Е. ФРЕЙБЕРГ

КОРАБЛИ АТАКУЮТ С ПОЛЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Евгений Николаевич Фрейберг, автор рассказов о боевых делах Волжской военной флотилии, сам участник описываемых им событий. Живо и интересно повествует он о героической борьбе красных моряков. Шестьдесят лет минуло с тех пор, но сегодняшним пионерам, наверно, интересно будет узнать об одной из замечательнейших глав истории гражданской войны, о подвигах их сверстников в те далёкие времена.

- Фрейберг Евгений Николаевич
  - Баржа смерти
  - На отдыхе
  - Рассказ моряка
  - Отъезд
  - На фронт
  - Перебежчик
  - Побег
  - У моряков
  - Операция «Змей»
  - У врагов
  - Ответственное задание
  - Подвиг
  - Опять застава!
  - Вместо благодарности — канатный ящик!
  - Военный совет
  - Корабли атакуют с полей
  - Показательный бой
  - Бой у «Святых Ключей»
  - Подслушанный разговор
  - В штабе отряда моряков
  - Разведчики
  - В стане белых
  - Выступление
  - Вестник
  - В ловушке
  - Самолеты
  - Новые сапоги
  - Военный трофей
  - Опасная переправа
  - Возвращение в Нижний Новгород
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5

Фрейберг Евгений Николаевич
Корабли атакуют с полей (рассказы)

Баржа смерти

Тысяча девятьсот восемнадцатый год... Хмурое небо сыплет на свинцовую воду мелкий осенний дождик.

На широком плёсе Камы, против города Сарапула, стоят на якорях красные миноносцы «Прыткий», «Ретивый» и «Прочный». Они пришли сюда с Балтики по распоряжению Владимира Ильича Ленина. К берегу приткнулись вооружённые пароходы Волжской военной флотилии.

Раннее утро, темно. На «Прочном» пронзительно засвистели дудки, закричали вахтенные матросы:

— А ну, живо в кубрик! Давай все! Веселей, ребята!

В кубрике за длинным столом сидели командиры Волжской военной флотилии и комиссары. Вокруг толпились моряки трёх миноносцев. Когда все собрались, поднялся один из командиров и сказал:

— Товарищи военные моряки! Вы знаете, что при отступлении из Сарапула белогвардейцы захватили в качестве заложников около семисот рабочих, коммунистов и советских служащих. Две недели назад заключённых посадили в старую баржу и вывели на середину реки. При подходе красных белые собираются потопить баржу со всеми людьми.

Наших товарищей истязают, морят голодом, расстреливают, а больных прикалывают штыками. Ежедневно по трое, по пятеро выводят на палубу баржи и расстреливают. Мы решили сделать попытку освободить заключённых.

В Гольяны, где сейчас стоит баржа, мы пойдём под видом белых. Поднимем на миноносцах царские андреевские флаги, сами наденем погоны. Пусть белые думают, что это к ним идёт подкрепление!

От вас, товарищи, потребуется железная выдержка. В оптические прицелы вы увидите лютых врагов, но стрелять не будете. Огонь откроем лишь в крайнем случае, если белые обнаружат обман. Это вы должны твёрдо помнить, товарищи! Без команды ни одного выстрела! Итак, по местам, товарищи! В поход!

Быстро рассветало... Красным пламенем загорелось небо на востоке... Миноносцы снялись с якорей. Зазвенели колокола громкого боя — боевая тревога... Люди тотчас быстро разбежались по своим местам, и корабли словно вымерли. Только на мостиках стояли командиры, а на плечах у них блестели золотые погоны... На миноносцах развевались андреевские флаги — белые с синими крестами.

Медленно проплывали пустынные берега. Даже в деревнях не видно было людей. Но вот на реке показался небольшой катер. Он подошёл к миноносцам. Стоящий на мостике офицер скомандовал:

— Смирр... но! — Люди на катере вытянулись во фронт, офицер приложил руку к козырьку.

— Начало неплохое! — тихо сказал начальник дивизиона миноносцев.

— Пусть сообщит береговым батареям, что идут свои! — приказал командующий.

— Предупредите береговые батареи! — крикнул в рупор начальник дивизиона. — Мы идём из Уфы, по распоряжению адмирала Старка.

— Есть предупредить береговые батареи! — отозвался офицер.

Катер развернулся и полным ходом пошёл обратно. Миноносцы на малых оборотах продолжали свой путь вверх по реке.

Впереди показалась деревня. Около домов виднелись люди в серых шинелях. Большая группа солдат и офицеров толпилась на берегу.

— На пароходах! — крикнул один из белогвардейцев. — Откуда плывёте? Неужто из Каспия?!

— Идём от Уфы! — ответили с «Прочного».

— Пушки-то ваши стреляют или только так, для красоты поставлены?! насмешливо кричали с берега.

— Погодите, гады! — сердито пробормотал флагманский артиллерист. Скоро узнаете, как стреляют наши пушки. Уж недолго осталось вам тут загорать, дайте только баржу выручить!

Миноносцы, не останавливаясь, шли дальше, всё более углубляясь во вражеский тыл. Но настроение у моряков было бодрое, никто не думал о возможности провала операции. Командиры внимательно всматривались в берега, стараясь запомнить фарватер на всех поворотах реки.

— Впереди, слева по носу большое село! — доложил сигнальщик. — Наверно, Гольяны! — добавил он.

— По времени похоже, — заметил командующий. — А вон и баржа! Внимание, товарищи!

Миноносцы медленно входили на широкий плёс. На левом берегу реки, против села, горят костры, дымят походные кухни, снуют солдаты.

— Сколько их тут?! — удивился начальник дивизиона. — Не меньше полка, наверно! Но пушек не видно.

— Посмотрите налево, от нас почти на траверсе[1], — тихо

проговорил командующий. — У каменного дома — большая пушка.

Пушка настороженно разглядывала миноносцы чёрным зрачком дула.

Посредине реки на якоре стояла громадная баржа. На палубе тоже солдаты. У пристани дымил небольшой буксирный пароход.

Командующий поднёс к губам рупор.

— На буксире! — властно раскатывается его голос. — Я флаг-офицер адмирала Старка, князь Маврокордато. Пришёл за баржей с арестованными. Красные бандиты должны быть доставлены в ставку верховного правителя адмирала Колчака. Приказываю взять на буксир баржу с арестованными и следовать за мной в реку Белую. Выполняйте немедленно!

Миноносцы, чуть работая машинами, разворачиваются по течению. Рискованный манёвр! Если белые откроют огонь, миноносцы не смогут защищаться. Но вот корабли повернули и выровнялись в линию. Командующий облегчённо вздохнул. Невольно он взглянул на моряков, которые словно застыли на своих боевых постах. Лица суровы, спокойны, казалось, их вовсе не интересует, что происходит на берегу. Комендоры прильнули к оптическим прицелам орудий, рулевые твёрдо держат штурвалы и смотрят вперёд. И только сигнальщики зорко поглядывают вокруг. «Выдержат ли у них нервы? — думает командующий. — Один выстрел, и операция будет сорвана! Скорей бы всё выяснилось!»

— Товарищ командующий! — торопливо доложил сигнальщик. — Буксирный пароход «Рассвет» отходит от пристани. Он идёт к барже!

— На барже! — крикнул офицер с белогвардейского парохода. Приготовьтесь принять буксир! Живо выбирайте якорь!

На палубе баржи забегали люди. Несколько солдат поспешно выбирали якорный канат, другие побежали на корму. С парохода подали буксир. Канат натянулся, и баржа стала разворачиваться.

— Как прикажете следовать, господин командир? — в рупор спросил капитан буксира.

— Приказываю идти вперёд. Миноносцы будут вас конвоировать! — ответили с «Прочного».

И вдруг на мостках, идущих к пристани, появляется группа офицеров. В лучах утреннего солнца сверкают золотом погоны. Один офицер, размахивая какой-то бумагой, бежит к берегу.

— Ну, Николай Михайлович! — обратился командующий к начальнику дивизиона. — Приготовьтесь открыть огонь. Похоже, додумались беляки, потребуют письменное распоряжение адмирала Старка! Эх, опоздали немного!

— Стойте! — кричит белогвардеец, подбегая к берегу. — Полковник просит передать пакет адмиралу Колчаку! Срочное донесение!

— Поднять «Землю»[2], — приказывает командующий. — Ничего не поделаешь, подождём!

— Разрешите дать очередь по господам офицерам? — просительно произнёс пожилой моряк-пулемётчик, поворачивая пулемёт.

— Спятил, чёрт! — прошипел артиллерист. — Забыл приказ?! Ни одного выстрела без команды, понятно?

— Понятно-то, понятно, но больно уж цель хороша! — с досадой пробормотал пулемётчик.

Миноносцы остановились. С «Прочного» спустили шлюпку.

— Давайте, Пётр Всеволодович, живей! — приказал начальник дивизиона помощнику командира. — Чуть что — стреляйте!

— Есть, Николай Михайлович, будет выполнено! — весело ответил молодой моряк с погонами старшего лейтенанта.

Шлюпка идёт к берегу, и за ней следят сотни глаз. Чем это кончится? А что, если ловушка?

Моряк выпрыгивает на берег. Обменивается приветствием с белым офицером. Белогвардеец передаёт пакет, моряк расписывается в получении и идёт к шлюпке. Шлюпка отваливает от берега и подходит к миноносцу.

— Поднять «Буки», — раздаётся команда.

Белый треугольный флаг с красным яблоком в середине взвивается на рее сигнал увеличить ход. Миноносцы рвутся вперёд, вода яростно бурлит у них под кормой. Быстро плывут берега.

Впереди показывается идущее навстречу судно.

— «Волгарь-доброволец» идёт, товарищ командир! — докладывает сигнальщик.

— Полный порядок! — заметил командир. — Артисты могут переодеваться, представление окончено! — Он усмехнулся, когда увидел, с каким ожесточением сдирали с себя погоны моряки.

Стройный корабль, вооружённый морскими дальнобойными орудиями, поравнялся с миноносцами. На мостике его стоял высокий, подтянутый по-военному капитан Леонтьев.

— Александр Степанович! — обратился к нему командующий. — Подойдите к барже и смените караул. Срочно откройте трюмы.

«Волгарь-доброволец» подошёл к барже, и на палубу её высыпали моряки. Они быстро разоружили конвойных, потом подбежали к трапу, ведущему в караульное помещение.

— А ну, гады, все наверх! Выбирайся, да поживей! — кричали моряки, держа наготове винтовки.

Из кубрика один за другим выходили испуганные солдаты. Они не понимали, что произошло, и со страхом смотрели на суровые лица моряков.

— Становись к борту, бандюги! — сердито скомандовал невысокий, плотный моряк боцман Белов. — У кого ключи от трюмов?

Из шеренги вышел солдат в новом английском костюме.

— Извольте, господин командир! — подобострастно сказал он, протягивая ключи.

— Сам ты господин, собачий сын! — свирепо набросился на белогвардейца Белов. — Наши господа все в море, у вас, дураков, только остались! Доброволец?! — спросил он, с яростью поглядывая на солдата.

— Господа товарищи, неужто расстреливать будете? — горестно завопил кто-то из конвойных. — Нас же силой забрали! Разве стали бы мы против своих воевать? Ведь такие же крестьяне и рабочие, как и вы!

— Зазря у нас не расстреливают. Потом разберёмся, кто вы такие, а сейчас марш в кубрик! Живо!

Караульные поспешно бросились к трапу. Они были уверены, что их сразу же расстреляют!

А моряки торопливо поднимали тяжёлые доски, покрывающие трюм. Боцман склонился над трапом.

— Живы ли вы, братцы? — взволнованно крикнул он. — Выходите!

В трюме темно, тихо. Пахнуло душным, спёртым воздухом. И вдруг радостный возглас:

— Товарищи! Да ведь это наши! Свои! Красные!

— Вылезай, братишки! Насиделись, поди, бедняги! Ясно, что мы красные, а не белые! Вылезайте, не бойтесь!

Палуба баржи заполнилась людьми. Некоторых поддерживали товарищи — сами они не могли двигаться. Все были раздеты, а у многих вместо белья на плечах висели рогожи. Страшно было смотреть на исхудалых, измученных людей. Казалось, что они вышли из могил...

— Ну погодите, белые гады, — гневно сказал один из моряков, потрясая кулаками, — мы не забудем баржу смерти! Попомните и вы её!

А заключённые словно обезумели от радости. Уже два дня им не выдавали ни крошки хлеба. «Зачем даром кормить, — говорили тюремщики, — если завтра всё равно всех пустим в расход!»

И вдруг избавленье, чудесное, неожиданное! Как же было не радоваться! Узники обнимали и целовали моряков.

— Да здравствует Советская власть! — крикнул кто-то из освобождённых.

Сотни голосов подхватили этот возглас, и мощное «ура» прокатилось по реке.

— Да здравствуют моряки, да здравствует Волжская военная флотилия! раздавались выкрики, и вновь гремело «ура».

Миноносцы подходили к Сарапулу. На стеньгах мачт кораблей флотилии алели красные боевые флаги. Корабли салютовали освобождённым. На пристанях города толпились тысячи людей. Знакомые и родственники спасённых радостно встречали их.

На берегу был организован митинг. Восторженными возгласами и криками «ура» встретили собравшиеся предложение послать приветствие Владимиру Ильичу Ленину.

На отдыхе

Пароход «Капитан Маматов» дал три длинных гудка и медленно отвалил от пристани, на которой славянской вязью было написано: «Камские Полянки». Звякнул звонок машинного телеграфа, под кормой парохода забурлила вода, и он, набирая ход, пошёл дальше, вниз по реке.

На пристани, кроме местных жителей, осталась небольшая группа пассажиров. Мальчишки посёлка, считавшие своей обязанностью встречать и провожать каждый пароход, с любопытством наблюдали за незнакомыми людьми. Одеждой своей они отличались от других пассажиров. На них были надеты красноармейские шинели, солдатские ботинки, на головах — кепки. У одного из-под небрежно накинутой на плечи шинели виднелась полосатая флотская тельняшка.

— Глянь, Митька, никак матрос?! — сказал маленький черноглазый паренёк. — Наверно, с миноносок, которые прошли вверх!

— Не! — отрицательно покачал головой белобрысый Митька. — Там были взаправдашние матросы, а этот, смотри, какой пропащий, чуть живой! И одет не так!

— Эй, братва, — вдруг весело крикнул человек в тельняшке, махнув мальчикам рукой. Он был высокий, со светлыми глазами и решительным лицом. Ко мне, ша-а-гом марш.

— Ишь какой командир! — удивился черноглазый. — А ты говоришь, чуть живой! Пойдём, Митька, узнаем, чего ему надо!

— Вот что, орлы! — сказал моряк, когда мальчишки подошли. — Где тут у вас самое главное начальство живёт?

— Эва, на горке дом! — кивнул головой старший мальчик. — Председатель там!

— А тебя как зовут, пацан? — вдруг спросил моряк.

— Меня? — удивился мальчик. — Родькой! А зачем тебе?

— Вот чудак-рыбак! Ещё спрашивает! Ты нас встретил как полагается, мы с тобой познакомились, а имени твоего не знаем! Меня зовут дядей Яном, а ты, значит, Родион. Теперь порядок!

— Айда, ребятки, к председателю! — обратился он к своим спутникам.

Те с трудом поднялись, взвалили на плечи свои сундучки и двинулись к дому председателя. Медленно, шаг за шагом, часто останавливаясь, поднимались они в гору. Мальчики с удивлением смотрели на них.

— Больные они, что ли? — сказал Митька. — Как идут, еле ноги волочат!

— Наверно, из больницы, — решил Родион. — Ну ладно, потом узнаем, откуда они и зачем приехали. Бежим играть!

На крыльце дома, над которым развевался большой красный флаг, сидел старик.

— Вам кого, ребята? Ежели председателя, заходите, здесь он. А бумаги есть? — строго спросил он.

— Всё в порядке, дедушка, из Сарапула мы!

Председатель, высокий и плотный, с чуть седеющей головой, внимательно просмотрел документы.

— Ну что ж, товарищи, очень хорошо, что к нам приехали. Поправляйтесь, набирайтесь сил! Вас, значит, пять человек, а остальные куда делись? Ведь всего спасённых с баржи было более четырёхсот?

— Эх, товарищ председатель! — с горечью произнёс моряк. — Неужто вы думаете, что по своей воле к вам приехали?! Почти все наши на фронт пошли, мы хотели, да не пустили! Говорят, поправьтесь сначала, а потом повоюете! Мы, конечно, не в полной форме, но винтовку держать можем. Просто обидно!

— Ничего, товарищи, отдохнёте, подкормитесь, а потом и работёнку вам найдём. Работы у нас много. Народ тёмный, в политике не разбирается, вот его и мутят разные проходимцы. Слышали, что они в Елабуге вытворяли? Расстреливали людей, наших советских, а валили на большевиков. Хорошо, в Москве узнали, прислали отряд моряков — и те быстро ликвидировали бандитов.

Председатель достал какие-то списки и крестиками сделал на них пометки. Потом взял чистый листок и написал ряд фамилий.

— Вот у этих товарищей остановитесь, — сказал он, передавая моряку записку. — Ребята хорошие! Их, правда, дома нет, все на фронте, но вас примут их семьи! Будете чувствовать себя как дома. А вы, товарищ Бредис, идите к Ивану Кирсанову, он сам моряк. И семья эта старинная моряцкая! Его дед ещё служил на парусном флоте. Вас там хорошо примут. Итак, отдыхайте и поправляйтесь!

Бывшие узники вышли на улицу. Ярко светило осеннее солнце, было тепло, но в тени домов лужи замёрзли. Золотом увядающей листвы подёрнулись дали правого берега Камы. Тихие заводи реки покрылись льдом. Стояла поздняя осень.

— Ну, товарищи, будем устраиваться. Вот список, и — каждый идёт своим курсом. Всего! — Моряк помахал рукой.

— Гражданочка! — крикнул он проходившей женщине. — Не знаете ли, где тут живут Кирсановы?

— Вон дом с зелёными ставнями на углу, — рукой показала женщина. — А Кирсановы твои родственники будут? И откуда ты,

родимый, болел, что ли? Больно уж худой.

— Стоп на баке! — воскликнул моряк. — По порядку, гражданка, не всё сразу! Спрашиваете откуда! Из Сарапула, с баржи смерти, слышали про такую? Потому и вид у меня такой, и ноги еле переставляю! Но это, уважаемая гражданка, не от болезни, а от голода. Если бы я на барже заболел, то кормил бы сейчас раков в реке. Потому что беляки никаких лекарств не признавали, кроме пули и штыка! Чуть кто заболеет, его приколют — и в воду. Болеть на барже не полагалось! А родственник ли мне Кирсанов, судите сами! Он матрос, и я матрос! Оба мы с Балтики! Есть ещё вопросы?

— Ладно, сейчас недосуг мне с тобой болтать! Зайду после к Анне Петровне, расскажешь тогда про свою баржу. Иди, иди, родной!

Моряк подошёл к домику с зелёными ставнями и постучал.

— Входите, не заперто! — послышался женский голос. — Кто там?

В дверях показалась молодая женщина. При виде моряка в глазах у неё мелькнул испуг.

— Что-нибудь с Иваном? — тревожно спросила она. — Что? Говорите!

— Не бойтесь, хозяюшка, всё в порядке! — успокоил её моряк. — Ивана вашего не встречал, но уверен, что бьёт он сейчас беляков и ждёт, когда сможет вернуться!

Меня к вам направил председатель. У вас остановиться можно будет ненадолго? Сам я матрос с Балтики, воевал на бронепоезде. Его маленько покарябали в бою, и требовался ремонт. Я на это время подался в пехоту, ну и попал по-глупому в плен под Сарапулом. Случайно остался жив, но слабины ещё много!

Сарапульский исполком и направил меня сюда, вроде как на курорт.

— Заходите, заходите! — приветливо сказала женщина. — Места у нас хватает, поживёте, сколько захотите. Может, Иван скоро вернётся, обрадуется! Проходите в комнату!

Наружная дверь в это время с шумом распахнулась, и в дом стремительно вбежал мальчик.

— Мам! — крикнул он и сразу же замолк, заметив моряка.

— Родька! — удивился тот, узнав мальчика, с которым познакомился на пристани. — Ты чего здесь?!

— Так это ж мой сынок! — улыбаясь, сказала женщина. — Тоже моряком хочет быть. Недавно миноносцы прошли вверх по реке, так он мне покоя не даёт — просит отпустить его к морякам. А кому он нужен, такой карапуз?! Ведь у них не детский сад и не

школа!

— Да, Родион, — подтвердил моряк. — Надо тебе маленько подрасти, а потом уж наниматься на флот. Но для этого надо учиться и учиться, неучёных на флот не берут. Тебе сколько лет?

— Двенадцать! — буркнул мальчик. — Всё равно убегу!

— Подожди, Родион. Война кончится, по всем морям наши корабли будут плавать. Вот тогда мы с тобой и двинем куда-нибудь в тёплые моря, где пальмы растут. Съедем на шлюпке на остров, пойдём в лес. А там обезьян — полно! Выберем обезьяну, самую большую и, как только она зазевается, хвать её за хвост — ив мешок! А потом сменяем на бананы, на целую связку!

— А с чем их едят, эти бананы? — заинтересовался мальчик.

— Как с чем? Это фрукт такой, — объяснил моряк. — Я сам, откровенно говоря, не очень-то в них разбираюсь, — смущённо добавил он. — Слышал, что они похожи на огурцы, только сладкие, вроде пирожных!

— Дядя Ян, а ежели обезьяну на бананы не менять, а домой привезти? Они ведь по деревьям мастера лазать, вот и приучим её белок ловить! Вот было бы здорово!

— Это можно, — согласился моряк. — Поймаем пару, одну обменяем, другую привезём, хорошо?

— Что ты, Родька, привязался со своими обезьянами? — прервала мальчика мать. — Человек устал с дороги, отдохнуть ему надо, а ты пристаёшь! Давайте чай пить, — обратилась она к моряку. — Только угощать особенно нечем, извините! Беляки всё начисто обобрали!

Но моряку после голодовки всё казалось вкусным. Он опорожнил большую миску щей из квашеной капусты, поднавалился на картошку с солёными грибами и выпил молока.

— Теперь отдыхайте, вот постель, — предложила хозяйка.

— Нет, у вас здесь так хорошо, что на сон жалко время терять. Немного пройдусь, — сказал моряк.

Узким проулком он спустился на берег. По спокойной воде реки медленно плыли большие поля ледяной шуги. Они с шуршанием наползали на берег, оставляя на влажном песке блестящие льдинки. «Несколько дней такой погоды и река встанет, — подумал моряк. — Красная флотилия уйдёт зимовать на свою базу, в Нижний Новгород, а враги опять устремятся к Волге».

На окраине посёлка он поднялся на высокий берег. Дальше расстилались пашни, за ними редкой щетиной курчавились кусты, а по горизонту зубчатой стеной темнел лес.

Когда он вернулся домой, в избе собралось много людей. Из соседних домов пришли женщины и мальчишки.

— Мы тебя ждём, дядя Ян, — сказал Родион, гордый своим знакомством с моряком. — Эва сколько народу собралось! Они, вишь, не верят, что ты с баржи спасся. Слышали, что беляки всех там перестреляли. Как взаправду-то было?!

— Много народу они убили, это верно. Вначале было человек семьсот, а когда в Сарапуле подсчитали, оказалось всего четыреста тридцать два. Вот и считайте!! А вот как я остался жив, это удивительно!

— Неужто пожалели? — удивилась Анна. — А мне рассказывали, что флотских они расстреливают сразу, без всякого допроса.

— Так и было, — подтвердил моряк. — Мне просто подвезло, а кроме того, беляки маленько просчитались. Сразу не застрелили, решили помучить. Но я лучше расскажу, как было дело.

Рассказ моряка

Это случилось под Сарапулом. Мне и теперь не понятно, как это я в бою отбился от своих. Когда беляков вышибли из окопов, они побежали к городу. Мы за ними. На окраинах бой вновь разгорелся, — к ним, наверно, подошло подкрепление. Пришлось понемногу отступать. Стемнело, и я потерял своих — не знал, где наши, а где враги. Кругом стрельба, рвутся гранаты, тарахтят пулемёты, ничегошеньки не разобрать! Как назло, патроны кончились. Схватил винтовку за ствол и действую, как дубиной. Беляки палят, а мне ничего! Размахиваю винтом, помаленьку отступаю.

Вдруг сзади... хлоп! Я упал, словно и не жил никогда! Сколько времени пролежал, не знаю, очнулся от удара. Кто-то здорово пнул ногой в бок и закричал: «Вставай, чёрт, а то зараз в Могилёв отправлю!»

Открыл глаза, вижу — беляк склонился надо мной и в зубы наганом тычет. «Встанешь или нет, зараза?! Считаю до двух!»

Вовсе не хотелось вставать, пусть, думаю, стреляет, гад! Однако кое-как встал. Голова словно чужая, до шеи не дотронешься — болит и в чём-то липком. Провёл рукой — кровь!

Как дошёл тогда до подвала, где сидели наши пленные, не помню. Потом всех на баржу перегнали, мне товарищи помогли дойти. А на другой день потащили нашу баржу вверх по реке. Дошли до какого-то большого селения и поставили баржу на якорь прямо посередине реки.

Через несколько дней состоялся суд. На палубе баржи поставили стол, накрыли красным сукном, за стол сели офицеры. В середине главный судья, полковник, здоровый такой, мордастый!

Приводили на допрос по одному. Дошла очередь до меня.

— Фамилия, имя, отчество? — спрашивает полковник.

— Бредис, Ян Янович, — отвечаю.

— Чухна?

— Никак нет, латыш, — спокойно говорю я.

— Один чёрт! — буркнул судья. — Большевик?

— Никак нет, не большевик.

— Сочувствующий?

— Никак нет, не сочувствующий, — отвечаю я.

— Так какого ж чёрта воюешь против нас? — рассвирепел полковник. — Кто ж ты тогда?!

— Я гражданин Российской республики, а воюю, чтобы всех вас, гадов, уничтожить, кровопийцев проклятых! Понятно тебе,

жирный боров?!

Вот тут, гражданочки, начался аврал! Офицеры вскочили — и за оружие! Полковник покраснел как рак, выхватил наган и в меня прицелился. А мне терять нечего, всё равно конец! Стряхнул с себя конвойных и как заору:

— Стреляй в меня, гад ползучий, стреляй! Всё равно всех не перестреляешь, правда наша будет!

Не думал, что после такого жив останусь! Полковник кивнул, меня схватили — и обратно в трюм. Посадили в отдельную конуру. Два дня ничего не давали, ни хлеба, ни воды. На третий день принесли селёдку. Удивился я; с чего, думаю, такая честь?! Съел селёдку, прошу у конвойного воды. А он, гад, ухмыльнулся и говорит: «Воды за бортом сколько хочешь. Придёт время, напьёшься!» Вот ведь собака какая, так и не дал воды! А пить хотелось ужасно! Ночью спать не мог: чуть задремлешь маленько, вода снится — и пьёшь, пьёшь её без конца. Проснёшься, а во рту словно кошки ночевали! Через день опять дали селёдку. Что оставалось делать — съел! Вскоре приходит конвойный. «Идём, — говорит, — наверх, ребята хотят с тобой познакомиться». Ну, думаю, конец, расстреляют! Шёл, так попрощался с товарищами, поднялся на палубу.

Вижу, конвойные сидят на настиле трюма, винтовки держат наизготовку. Как будто расстреливать меня не торопятся.

А день солнечный, ясный... Посмотрел вокруг. Река спокойно течёт, и вода так ласково струится вдоль борта. «Эх, напиться бы, думаю, а потом и помирать можно! Рискнуть, что ли, прыгнуть?»

Вдруг конвойный, словно мои мысли прочёл, тихо шепнул:

— Не прыгай, матрос! Они только этого и ждут, уж сколько людей так побили. Терпи, будет вода!

— Вот так моряк! — насмешливо крикнул один из тюремщиков. — Что не ныряешь, боишься? Ждёшь, когда тебя просто к борту поставят?! Давай, давай, прыгай, не трусь!

Стою у борта и раздумываю, что делать? Нырять со связанными руками дело гиблое, далеко не уплывёшь. Ждать, когда расстреляют, тоже невесело! Вспомнил слова конвойного насчёт воды и решил выжидать. Будь что будет!

— Не хочешь показать нам, как надо плавать, матрос? — сердито крикнул кто-то из тюремщиков. — Уведи, Степанов! Трус он.

Ночью Степанов принёс воды в банке из-под свиной тушёнки. Часть воды я выпил, а остаток вылил под доски, которые прикрывали железное дно баржи. Но селёдок больше мне не давали — поняли, что на такую приманку я не ловлюсь! Потом перевели в общий трюм. Тут я ожил: с народом и помирать не

страшно!

А вот председатель сарапульского исполкома, балтийский матрос Павел Краснопёрое, не выдержал такой пытки. Несколько дней не давали ему воды, а потом вывели на палубу. Он бросился в реку и нырнул. Но разве уйдёшь от пули? Погиб Краснопёров...

А тюремщики продолжали свою работу. Дня не проходило, чтобы кого-нибудь не расстреляли. Делалось это просто. Поднималась крышка люка и выкликали ряд фамилий. Товарищи поднимались на палубу, и больше мы их не видели. Нам, голодным и раздетым, смерть была не страшна. На спасенье нельзя было надеяться, — все знали: как только наши начнут наступление, баржа вместе с людьми будет потоплена. Об этом говорили сами тюремщики.

* * *

Каждое утро ждал я, что вызовут, но белогвардейцы будто забыли, что в трюме живёт моряк, который их здорово облаял. Но вот как-то на рассвете меня будят:

— Вставай, Ян!

Словно холодок пробежал по коже. «Всё! — решил я. — Настало и твоё время, товарищ Бредис, отдавать концы».

— Какие-то пароходы идут снизу, не наши ли? — взволнованно говорили товарищи.

Сна как не бывало! Вскочил и бросился к щели в борту. Вижу, идут миноносцы, на мачтах развеваются царские флаги!

— Эх! — я даже плюнул с досады. — Лучше бы не будили! Самые настоящие белогвардейцы! — Потом смотрю, от пристани отваливает буксирный пароход, подходит к барже и подаёт конец для буксировки.

— Братишки! — говорю. — Пойте «Варяга»! «Последний парад наступает!» За нами пришли драконы! Поведут топить! Закуривай напоследок, братва!

А на баке затопали десятки ног — тюремщики поднимали тяжёлый якорь. Потом баржа тронулась с места, а пароход повёл её куда-то вниз по реке. Немного мы прошли, смотрю я и не верю своим глазам: навстречу нам идёт боевой корабль, а на мачтах у него красные флаги! Миноносцы проходят мимо, будто ничего не замечают. Корабль же вплотную подходит к барже, и с него на палубу горохом высыпают моряки. Топот, крики, слова команды, но ни одного выстрела! Мы ничего не понимаем, в чём тут дело! Потом настил трюма поднимают.

— Выходи, товарищи! — закричали сверху.

Мы ждём, что дальше будет, и не выходим. Кому охота первым на тот свет отправляться! Но вдруг увидели красные ленточки у моряков! Свои, красные!

Что тут было, Родион, трудно даже представить! Кто моряков целует и обнимает, кто плачет от радости! Да разве можно было не радоваться! Ждали, что нас, как котят, потопят, а тут вдруг спасенье!

Вот, товарищи, как наши моряки беляков обдурили, словно маленьких. Здорово придумали. И флаги царские подняли на миноносцах и на своих командиров погоны золотые нацепили, чтобы на белых походить!

А беляки прохлопали и даже баржу помогли провести! Вот это военная хитрость, ничего не скажешь!

Вырастешь большой, Родион, будешь на флоте служить, расскажешь товарищам, как воевали балтийские моряки в гражданскую войну!

Взволнованный, с горящими глазами, слушал Родион рассказ моряка. В его воображении вставали миноносцы, тёмными тенями скользящие по реке, громадные пушки, направленные на них с берега, и бесстрашные моряки, смело смотрящие в лицо смерти...

Ему представилась огромная баржа с узниками, приговорёнными к потоплению, и герои моряки, спасшие их.

Он вспомнил рассказы деда, участника русско-японской войны, о том, как храбро сражались матросы в чужом далёком море. С поднятыми на мачтах боевыми флагами русские корабли, разбитые снарядами, шли ко дну, но в плен не сдавались. Вместе с ними гибли матросы...

И вот он, потомок двух поколений моряков, вместо того чтобы воевать, сидит дома. «Но что я могу теперь делать на пароходах? — размышлял мальчик. — На зиму они встанут на ремонт, а что я понимаю в машинах? Меня наверняка не возьмут! А вот весной — дело другое! Пойду на пароход хоть помощником кока, кашу варить, а дальше видно будет, на что я буду годен. Придётся подождать до весны, ничего не поделаешь!» — решил он.

Отъезд

Недолго отдыхали в посёлке Камские Полянки спасённые с баржи смерти. Приближалась зима... На реке начался ледоход. Льдины смерзались в большие ледяные поля, наползали на берега и с шипением плыли дальше. Вместе со льдом по реке шли пароходы. Последними уходили на свою базу в Нижний Новгород суда Волжской военной флотилии.

Прошло несколько дней, и река встала.

Из хмурого серого неба выпадал снег и белой пеленой покрывал поля и пашни. Крепкие морозы сковали дорожную грязь, и по заснеженным просёлочным дорогам понеслись лихие кони, запряжённые в санки и кошёвки. Незнакомые люди, не уменьшая хода, вихрем мчались сквозь посёлок и словно что-то высматривали. Это были разведчики белых.

Председатель вызвал моряка.

— Товарищ Бредис, — сказал он. — Получил нехорошие вести: белые заняли Мензелинск и двигаются по Каме. Боя мы им дать не можем, придётся уходить. Предупредите товарищей, сегодня ночью выедем. Всё!

Задолго до рассвета из селения выехала на подводах небольшая группа людей. Это были председатель, моряк и его товарищи. Они переехали через Каму и двинулись к городу Ижевску. Где-то там находились части 28-й Красной дивизии.

А через несколько часов после их отъезда в посёлок с шумом и гиканьем влетела целая вереница саней, на которых сидели люди, одетые в солдатские шинели и вооружённые винтовками и обрезами.

Клацая затворами и стреляя в воздух, они гурьбой двинулись к сельсовету.

— Где председатель, где командиры? — бешено кричали они, потрясая оружием. — Давай председателя, мы с ним поговорим! Вы тут, дьяволы, контру разводите, всех вас надо перестрелять! Где матрос, куда его спрятали?!

Родион, проснувшись от стрельбы и криков, прильнул к стеклу окошка и с недоумением смотрел на приезжих.

— Мам, это кто? — тихо спросил он.

— Молчи, сынок! Это враги! Хорошо, что наши уехали! — обрадованно сказала мать. — Теперь они далеко!

Банда исчезла так же стремительно, как и появилась. Стреляя из винтовок и ругаясь, они повскакали на лошадей и уехали.

Но через несколько дней посёлок заняли белые. С громыханием проехали по главной улице пушки, зелёные,

тупорылые; промчались на дровнях солдаты с пулемётами.

Из домов, расположенных на берегу реки, белые выгнали жителей и всю зону объявили запретной. Началась тяжёлая пора оккупации.

На фронт

Радостно встречали рабочие Нижнего Новгорода в октябре тысяча девятьсот восемнадцатого года моряков, вернувшихся из боевого похода на Каму. Несколько дней корабли флотилии шли по реке, среди сплошной шуги. Некоторые даже вмерзали в большие ледяные поля, и тогда на лёд дружно выскакивала вся команда и с помощью топоров и ломов освобождала суда от ледяного плена.

В городе никто уже не верил в приход флотилии, — река вот-вот должна была замёрзнуть.И вдруг, неожиданно, среди плывущих льдин появились овеянные боевой славой корабли. Сзади них шли баржи, гружённые мукой, — сто тысяч пудов привезли в дар сормовским рабочим волжские моряки.

Но не долго пришлось им беспечно и весело разгуливать по улицам города. Надо было срочно приниматься за ремонт судов, за вооружение новых пароходов.

Количество боевых кораблей флотилии было явно недостаточно для обороны великой русской реки. И тогда решили вооружить наиболее сильные буксирные пароходы. Работ по вооружению предстояло много. Для установки тяжёлых морских пушек требовались дополнительные опоры.

Инженеры Сормовского завода «Теплоход», где находились суда, злорадно посмеивались:

— Ничего у вас не выйдет, господа-товарищи! — говорили они. — От первого же выстрела полетят все ваши крепления, зря только материал переводите и людей мучаете! Подсчитайте сами, если нам не верите, какая будет нагрузка на каждый квадратный сантиметр! Тогда увидите!

Но морякам было не до подсчётов: сколько сантиметров займёт тумба для орудия — лишь бы палуба не трещала.

Рабочие завода и молодые инженеры охотно делились с моряками опытом и проводили на буксирах по двенадцать часов в сутки.

Нельзя было покрывать бронёй сплошь всё судно. Броню заменяли мешки с песком, они отлично защищали людей от пуль и осколков. Лишь командирские мостики, пушки и пулемёты были ограждены броневыми листами, хотя и их зачастую легко пробивала винтовочная пуля.

День и ночь на судах шли работы, стучали молотки, гремели лебёдки, и волжские буксиры быстро превращались в боевые корабли. Так, в работе, проходила суровая зима второго года революции. Быстро пришла весна...

* * *

День Первого мая тысяча девятьсот девятнадцатого года настал ясный и солнечный. Ледоход на Волге закончился.

На празднично убранных улицах Нижнего Новгорода (ныне Горького) толпился народ, на домах развевались красные флаги. Но настроение у жителей древнего города было не праздничным. Враг неудержимо рвался к великой русской реке. Колчаковские белые орды заняли почти всё побережье реки Камы и находились уже недалеко от Волги. Казань и Нижний Новгород вновь оказались под угрозой вражеского нападения.

Вот почему люди беспокойно поглядывали на свободную от льда реку и обменивались тревожными новостями.

Насторожённую тишину утра вдруг прорезали мощные гудки. Со стороны Сормовского завода показался вооружённый пароход, за ним второй, третий и четвёртый_Они шли кильватерной колонной, строго выдерживая интервалы. Из их труб валил густой дым, и над рекой протянулась чёрная дымовая полоса.

Это были суда второго дивизиона Волжской военной флотилии.

С боевыми флагами на мачтах, грозно поблёскивая стволами пушек, с командами, выстроенными во фронт по бортам, суда флотилии величаво проходили вдоль набережной, и горожане восторженно их приветствовали. Надрывно ревели пароходы, стоявшие у пристаней, на разные голоса гудели и свистели катера, а в воздухе, как хлопья снега, мелькали платочки. Город провожал моряков, уходящих на фронты гражданской войны.

Во время пути по Каме к отряду присоединились ещё два дивизиона канонерских лодок.

С неприятелем наши встретились у города Чистополя. Не оказав серьёзного сопротивления, белые бежали. Город заняли передовые части Второй Красной Армии. Торопливо отступая, белые вояки писали на заборах: «Не догонишь!». На воротах одного дома висел труп старого царского генерала, которого белые повесили за отказ присоединиться к ним. Генерала похоронили с воинскими почестями.

После Чистополя мы долго не могли догнать неприятеля. И только у селения Камские Полянки белые укрепились. Их батареи, укрытые прибрежными холмами, засыпали реку снарядами. Несколько раз мы пытались прорваться сквозь огневую завесу, но попадали в такой огонь, что пройти было невозможно. На многих судах не было брони, и снаряды прошивали их, как спичечные коробки. А снаряд, попавший в машину, вовсе выводил судно из строя. Надо было уничтожить

батареи, однако нам не удавалось их нащупать. При стрельбе с кораблей неприятельские пушки замолкали, но стоило нашим судам двинуться вперёд, как вновь вокруг градом падали снаряды.

Перебежчик

Мрачно задумавшись, сидел начальник отряда в каюте флагманского корабля «Ваня-коммунист». На столе лежала карта реки. На карте тонкими штрихами были показаны лощины и холмы, но разве можно было установить, в каком овраге притаились вражеские батареи! Казалось, все возможные места были обстреляны, а результатов никаких. Было от чего прийти в отчаянье!

В дверь каюты кто-то постучал.

— Да, да! — отозвался начальник. — Входите!

В каюту вошёл моряк. Бескозырка его с ленточкой «Марат» была лихо сдвинута на затылок, за поясом висел большой револьвер.

— Товарищ начальник! Разрешите доложить, шпиона поймали!

— Шпиона? — удивился начальник отряда. — Добро, давай его сюда. Никогда ещё не видел настоящего шпиона!

Моряк вышел и вскоре вернулся с маленьким веснушчатым пареньком. Он держал его за шиворот, и это не нравилось мальчишке.

— Пусти, чёрт! — сердито огрызался он, стараясь вывернуться из крепких рук конвоира. — Неужто убегу?! Ведь сам я к вам прибег, чего держишь?!

— Отпусти его, Силин, — приказал начальник, с удивлением рассматривая мальчишку. Совсем не походил на шпиона этот обыкновенный деревенский парнишка, небольшого роста, со вздёрнутым маленьким носом и с круглым открытым лицом. Живые чёрные глаза его пытливо и бесстрашно уставились на сидящего моряка.

— Ну, рассказывай, как звать, откуда ты и зачем пришёл? — спросил начальник.

— Зовут меня Родькой, а по фамилии Кирсанов, — чётко ответил мальчик. А прибег к вам, чтобы воевать. И никакой я не шпион! Сам он шпион, наверное! — сказал мальчик, сердито кивая на своего провожатого.

— Ладно, ладно, поговори ещё, шпана! — беззлобно пробурчал тот. — У нас курятник пустой есть, вот посадим тебя, будешь там кукарекать заместо петуха! Тогда узнаешь, как фронт перебегать!

— Фронт! — с презрением протянул мальчишка. — Да я в любом месте ваш фронт перейду, и никто меня не увидит. Тоже — фронт! Живут в деревне, как на даче, а отойди на версту — нет

ни красных, ни белых!

— Так зачем же ты к нам пришёл? Давай поговорим откровенно. Рассказывай, кто тебя послал и что велели узнать. Говори честно, без утайки! А то посадим тебя и будешь сидеть, пока белых не прогоним. Так и знай!

— Я вам сказал — воевать хочу, больше ничего не скажу!

— Ты дурака не валяй, — сурово сказал начальник. — Говори всё как есть, лучше будет. Воевать мог и у белых, а к нам зачем пришёл? Узнать, какие части стоят, так, что ли?

— Убивать надо всех беляков, — мрачно заявил мальчик. — Они у меня матку убили.

— Мать убили? — недоверчиво переспросил начальник. — За что же?

— Отец ушёл с красными, — насупившись, сказал мальчик. — Потом моряк с баржи, которую потопить хотели, у нас жил. Кто-то доказал. Схватили её, вывели в огород и расстреляли... — Лицо мальчика перекосилось, словно от боли, и казалось, вот-вот он заплачет. Отвернувшись, он шмыгнул носом.

— И после этого ты убежал?

— Мы с Митькой хотели её и дом перетащить, а нас поймали и отлупили. Во, гляди! — Он приподнял рубашку и повернулся. Вся спина была исполосована багровыми шрамами.

Моряк, стоявший у двери, сочувственно покачал головой.

— Ну и звери! — пробормотал он.

— Силин! — обратился к нему начальник отряда. — Передай баталёру[3], чтобы его как-нибудь приодели и зачислили на довольствие. Всё, можете идти! Родион! Когда обмундируешься и пообедаешь, зайди ко мне!

— Есть к тебе зайти! — обрадованно гаркнул мальчик.

— Так получается, что ты не шпион, а просто Родион, — усмехнулся моряк, выходя из каюты. — Но смотри, парень, не подкачай, а то у нас разговор короткий! Раз — и ваши не пляшут!

— Ты меня, дядя, не стращай, я не из пужливых. А как сказал, так и будет: всех беляков уничтожим!

— Ишь какой храбрый! — рассмеялся моряк. — Ну, а пока идём форму тебе подбирать, а то у тебя вид такой, будто собрался на пляж, загорать! У нас, брат, военный корабль, не какой-нибудь буксир, чувствуешь?!

Настроение начальника отряда улучшилось. Ему понравился смелый мальчишка. «Совсем ещё маленький мальчик, а глаза решительные. Вот бы его приспособить к разведке. Парень, похоже, толковый. А вдруг его подослали белые? — мелькнула тревожная мысль. — Нет, это невозможно. Вон как они его разделали, живого места на спине нет. Но присмотреть за ним,

конечно, следует».

Перед вечером начальник отряда взял бинокль и вышел на палубу. Широкая водная гладь расстилалась перед ним. Весенним половодьем затопило низменные заливные луга, и лишь кое-где из воды торчали верхушки деревьев. Редкой щетиной протягивались гряды кустов. Туманной дымкой были окутаны лесистые холмы левого берега. Где-то там, в оврагах скрывались неприятельские батареи. Командир напряжённо всматривался в безмолвные берега. «Гадать тут нечего, — решил он. — Батареи надо брать с берега, иначе ничего не выйдет, только корабли погубим. У нас лишних людей нет; придётся, видно, ждать подхода армейцев. Но если бы удалось узнать, где расположены эти проклятые пушки, мы разгромили бы их в два счёта! Пока же терпенье, товарищ начальник!» — Он резко повернулся и чуть не сшиб маленького человечка в морской форме, который незаметно подошёл сзади.

На нём были надеты огромные сапоги, широченные брезентовые штаны и такая же рубаха. Голову вместо фуражки прикрывал белый чехол.

— Э-э! Да это ты, Родион! Тебя и не узнаешь! Вот теперь ты настоящий моряк! Ну как, нравится тебе у нас?

— Конечно, нравится, одни пушки чего стоят! У беляков таких нет.

— А ты видел их пушки? — живо спросил начальник отряда.

— Видел, когда везли, а потом куда-то их запрятали. Гром идёт, когда стреляют, а их не видать. А тебе зачем это знать, отсюда всё равно не увидишь.

— Эх, парень, парень! Если бы ты только мог понять, как это нам важно! Дорого бы я дал, чтобы только узнать, где они укрыты.

— А на других пароходах у вас тоже по две пушки? — вдруг спросил Родион. — И тоже большие?

— Разные есть, и большие и малые, — уклончиво ответил моряк.

Ему не понравилось такое любопытство, и он подозрительно взглянул на мальчика. «А вообще-то чего удивительного, что мальчишка интересуется, как вооружены наши суда, — подумал он. — Совершенно законное любопытство».

— А сколько пушек ты видел у белых? — спросил он.

— Не знаю сколько, штук десять, наверно, было.

— А солдат много?

— Не, мало. Больше офицеры, с золотыми погонами, этих много.

— Ну, хорошо, а пушки-то где стоят, неужто не знаешь? В

самом посёлке они или на окраине?

— Не знаю, — ответил мальчик. — Однако с берега стреляют.

— Это мы сами знаем, что они где-то недалеко от воды. Но берег-то большой! Жаль, что не знаешь. Ну, ничего не поделаешь, иди спать.

Родион неловко повернулся и, грохоча по трапу сапогами, спустился в кубрик.

— Вот эта койка свободна, — сказал Силин. — Устраивайся!

Начальник отряда опять углубился в карту реки и не заметил, как в каюту вошёл Силин.

— Что-то неладно, товарищ начальник, — сказал он. — Мальчишка странно себя ведёт, — всё расспрашивает, всем интересуется. Я понимаю, каждому интересно узнать, как далеко летят снаряды из наших пушек или как бьют пулемёты. Но зачем ему знать, сколько всего у нас пушек на кораблях и много ли к ним снарядов? Я думаю, что он придумал и про мать и про отца. Пожалуй, его белые подослали. Посадим его в канатный ящик. Там тепло, уютно, и ему будет спокойно. А чтобы нам было спокойно, запрём его на замок. Скажем, что у нас такой флотский порядок — всех впервые прибывающих туда сажать. Он парень понятливый, не обидится.

— Нет, товарищ Силин, так не годится. Парень и так пострадал. Пусть спит в кубрике, никуда он не денется с корабля. А завтра решим, что с ним делать.

— Смотрите, товарищ начальник, как бы не промахнуться. Смоется обратно к белым и расскажет, что у нас видел. Нехорошо будет!

— Никуда он не убежит! — уверенно сказал начальник отряда. — Всё, товарищ Силин, договорились!

Побег

...Ночью мальчишка убежал... Он выждал, когда в кубрике все уснули, переоделся в старую свою одежонку и тихо поднялся на палубу. По судну ходил вооружённый вахтенный, у орудий чутко дремали комендоры. Когда вахтенный моряк направился на корму, Родион осторожно прошёл на бак, тихо скользнул по якорному канату и нырнул... Чернильно-тёмная вода мягко сомкнулась над ним, от холода сдавило грудь, и мальчик испугался. Поспешно вынырнув, он почувствовал себя беззащитным и одиноким в непроглядной тьме ночи. Мимо него плыли деревья и брёвна, — весенняя вода ещё прибывала. Мальчик облегчённо вздохнул: никто не увидит его среди плывущего лесного хлама, и он сможет незаметно выбраться на берег. Глаза скоро привыкли к темноте. Мальчик разглядел большое дерево, которое, ощетинившись сучьями и корнями, плавно покачивалось на воде, увлекаемое быстрым течением. Не раздумывая, Родион залез на него и растянулся на стволе.

Корабль, с которого он сбежал, остался позади, дерево медленно проплывало мимо других судов флотилии, тёмными бесформенными громадами, застывшими на спокойной воде. «Восемь пароходов, вот это здорово! восхищённо прошептал Родион. — Ну, бандюки, скоро мы вам дадим жару!»

На крутом повороте дерево, на котором приютился мальчик, близко подошло к берегу. «Пора!» — решил он и тихо соскользнул в воду. Он подплыл к берегу и вылез на крутой склон. Здесь снял с себя рубашку, тщательно выжал её и снова надел. Вода в реке была холодная, и мальчик начал мёрзнуть. Чтобы согреться, он стал размахивать руками и прыгать. Потом внимательно осмотрелся и побежал. Мальчик хорошо знал эти места, так как совсем недавно пас здесь овец. Добежав до знакомых перелесков и кустарников, он круто повернул от реки. Впереди виднелись неясные очертания деревушки, которую занимали моряки. Мальчик остановился и долго прислушивался. Кругом всё было тихо. Осторожно крадучись вдоль заборов, он обошёл деревню и опять побежал. Весенняя ночь коротка, и надо было торопиться. Уже начало светать, когда он увидел свой посёлок, занятый белыми. «Этих не страшно! — пренебрежительно подумал Родион. — Наверняка дрыхнут!» Но на всякий случай, прежде чем войти в селение, он сделал большой круг. У маленького дома на окраине Родион остановился. Здесь жил товарищ его отца, который часто бывал у них в доме. Убедившись, что никого поблизости нет, он быстро

перелез через забор и постучал в окно.

— Чего надо? Кто там? — раздался сердитый возглас.

— Дядя Петя, это я, Родион, по важному делу, пусти!

— Это ты, Родька? Чего по ночам шатаешься? Давай входи! — Дверь чуть приоткрылась, и мальчик вошёл в тёмные сени.

— Сюда иди! — тихо сказал дядя Петя, подталкивая мальчика в какой-то чулан. — В доме зажигать свет нельзя. Беляки стреляют, если увидят огонь, боятся, что мы можем передавать сигналы.

Он чиркнул спичку и зажёг коптилку. Слабый огонёк осветил его крупную фигуру и блеснул в спокойных светлых глазах.

Родион испугался. Это был не дядя Петя, а какой-то незнакомый человек. У дяди Пети была большая окладистая борода и густые брови, к тому же он был уже пожилой. А этот был гладко выбритый и совсем молодой.

— Ты чего, не узнал, что ли? — улыбаясь, спросил он мальчика.

— Конечно, не узнал, вовсе другой стал. Бороды нет, брови будто чужие, и молодой! Неужто ты, дядя Петя? — неуверенно спросил мальчик.

— Я, я, не бойся! Пришлось с бородой расстаться, ничего не поделаешь, беляки не любят бородатых! — усмехнулся он.

«Ах, вот оно что! — подумал Родион. — Опять хитрость!»

— Ну, так что у тебя, рассказывай, — сказал дядя Петя, внимательно смотря на мальчика.

— Я у красных был, — начал Родион, испытующе взглянув на своего собеседника.

— У красных? — удивился тот. — Как туда попал и зачем вернулся? Или ещё хочешь шомпола получить?! А почему ты, друг, мокрый, где искупался? Замёрз, поди, а молчишь! Живо скидывай одежонку. Вот тебе шуба! — Он снял с вешалки овчинный тулуп и дал мальчику.

— Так-то лучше будет, — заметил он, когда Родион сбросил с себя мокрую одежду и накинул на плечи тулуп. — Ну, рассказывай! Как дела у красных, почему они остановились? Неужто батарею не могут уничтожить?

— Вот в том-то и беда, дядя Петя, что батарея по ним палит, а они не знают, где она стоит, и палят в божий свет, как в копеечку! Начальник пароходский даже меня ругал. К нам прибег, говорит, а путного ничего не можешь рассказать. Вот ежели бы узнать, где она, проклятущая, спрятана, вот было бы здорово!

— На берегу, конечно. Беляки недаром никого и близко туда не пускают. Подумаем, что сделать, а пока ложись спать. Домой лучше не ходи.

У моряков

На судах флотилии ночь прошла спокойно. Враги решили, по-видимому, пока только обороняться. А может быть, ждали подкреплений.

Когда стало светать, вахтенный спустился в кубрик будить смену. Он обратил внимание на койку, где спал Родион. Одеяло там как-то странно топорщилось. Он приподнял его и увидел аккуратно сложенные рубаху, штаны и сапоги.

Самого же мальчика и след простыл.

«Удрал, проклятый пацан! Ну и ну!» — удивился вахтенный.

— Эй, братва! — заорал он. — Подъём! Мальчишка убежал! Проспали, черти! Хотя ничего страшного нет, обмундирование на месте, — видать, парень честный!

— Честный?! — свирепо крикнул кто-то из моряков. — А ты когда-нибудь видел честного шпиона? Таких, брат, не бывает! Их всех стрелять надо!

— Узнал, что ему было приказано, и подался к своим, гадёныш! возмущённо сказал Силин. — Говорил я начальнику, что его надо под замок посадить, так не разрешил. «Куда он убежит?» — сказал. А он убежал и его не спросил. Как же он, змей, до берега добрался? Неужто вплавь?

— Конечно, вплавь! Чего тут удивительного! Но как наши вахтенные его прохлопали, вот это удивительно! Этак и беляки к нам смогут забраться, а мы только ушами будем хлопать!

— Недаром мальчишка всё выпытывал, — заметил черноусый комендор. — Да ему сам начальник дал точные сведения. Мальчишка спросил, какие пушки на других кораблях, а начальник сказал, что разные есть, и большие и маленькие! — В кубрике грянул дружный смех. Побег мальчишки не испортил хорошего настроения команды.

Но начальник отряда ходил по палубе мрачный. Он не боялся за сведения, которые мог передать врагам мальчишка. Белые, конечно, и так знали, сколько судов в отряде и как они вооружены.

А если мальчишка расскажет, что моряки не сомневаются в близком разгроме врагов, так это будет даже хорошо. Пусть знают, что их дни сочтены! Начальника угнетала мысль, что его одурачил понравившийся ему мальчишка. Сотни людей были в его подчинении, и он был уверен, что каждого из них он знает и понимает. И вот мальчишка, подосланный врагами, нарушил эту уверенность. Такой ли он хороший командир, каким себя считал? Не смог разобраться в мальчишке, который совершенно открыто

выуживал у него шпионские сведения. Как только получилось, что он не обратил внимания на чрезмерное любопытство мальчишки?! «Воображаю, как он теперь смеётся надо мной! Вот шляпа я!! — ругал себя моряк. — Доверился первому встречному и даже зачислил его в команду боевого корабля. Ничего себе начальник! У Силина оказалось больше чутья, и он не зря меня предупреждал. И, как нарочно, комиссар в госпитале, не с кем было посоветоваться. Если бы он был здесь, мальчишку отправили бы в тыл — и всё было бы в порядке! А вдруг его обидели наши ребята?» — пришла в голову неожиданная мысль.

— Вахтенный! — крикнул он. — Позовите ко мне комендора Силина.

Вахтенный подбежал к открытому люку и заливисто свистнул:

— Силина к начальнику, живо!

— Нет его здесь, — ответили снизу. — Он у носового орудия.

— Хорошо, слышу! — отозвался начальник отряда. — Сам пойду.

У орудия на плетёном коврике лежали и матово блестели приготовленные к бою снаряды. Замок орудия был открыт, и около него с маслёнкой в руках работал Силин.

— Товарищ Силин, чем можно объяснить побег мальчишки, как думаете? спросил начальник отряда.

— То есть как чем? — удивился моряк. — Узнал, что ему было надо, и смотался к своим. Я говорил вам: подослан он, а вы не поверили. По-моему, всё ясно! — Комендор склонился к замку.

— А не могло случиться, что его кто-нибудь из нашей братвы обидел?

— Ну уж нет, товарищ начальник. Наши, как увидели его разукрашенную спину, очень сочувственно к нему отнеслись. А он, гад, обманул всех и удрал. Но ничего, никуда он не денется, рано или поздно, а его поймаем! — В глазах моряка сверкнули гневные искорки.

Ещё больше расстроился начальник. «Силин был прав», — подумал он, входя в каюту командира судна.

— Степан Александрович! — обратился он к плотному и кудрявому командиру. — Передайте на посты, чтобы никого не выпускали из деревни, всех приходящих, независимо от возраста — и старых и малых, — приводили бы ко мне.

Операция «Змей»

— Ну, Родион, вставай, время! А мне пора на работу. Слушай, что я тебе скажу.

Мальчик выскользнул из-под тулупа и сонными глазами уставился на дядю Петю. Тот был уже в шинели, с походной сумкой через плечо.

— Родион, ты когда-нибудь змея бумажного пускал?

— Конечно, пускал, — оживился мальчик. — Да мы с Митькой недавно одного смастерили. Вот здорово летал, прямо в облаках! Нитки не хватило, а то бы ещё выше поднялся. А к чему змей?

— А вот к чему, — сказал дядя Петя. — Ветер сейчас сильный и дует в сторону беляков. Ты змея запустишь и побежишь с ним по ветру. А оборваться он у тебя может? Может, конечно, и упасть у беляков тоже может. Верно?

Тебе надо забраться к ним в запретный район, и пока будешь змея искать, осмотришь всё вокруг. Может, на счастье, и пушки заприметишь. Понятно?

— Понятно, дядя Петя, побегу к Митьке за змеем!

— Попробуй, Родион! Только смотри действуй аккуратно, чтобы белые ничего не подумали. А то опять всыплют тебе шомполов!

— Нет уж, хватит мне и одного раза, — насупившись, сказал мальчик. — Им ещё дорого обойдутся эти шомпола, век не забуду!

Дядя ушёл, а мальчик быстро оделся и выскочил из дома. На улице было пустынно. Жители посёлка прятались по домам, напуганные белыми, которые хватали без всякого повода каждого встречного и поперечного.

Сильный ветер гнал по небу облака и шумел в вершинах тополей. «Тут и взаправду никакая нитка не выдержит! Эва как дует! — подумал Родион. Вместо белых, пожалуй, к красным улетит, а мне туда ещё рановато!»

Навстречу ему шли офицеры и громко разговаривали.

— Когда же, наконец, союзники пришлют обещанные самолёты! Обещают, обещают, а толку никакого, — говорил высокий офицер в новом английском костюме. — Как бы хорошо по судам красных ударить! Пара бомб — и от их пароходов только щепки полетят!

— А что англичанам до нас?! Очень мы им нужны! — заметил другой офицер. — Они, как и американцы, народ деловой. Заплатят им, будут самолёты и лётчики, а даром, ради наших

прекрасных глаз, никто не полетит, будьте уверены! Вот пушек ещё подвезут, красные побегут тогда!

— Пока мы бегаем, как зайцы, — мрачно сказал молодой офицер с университетским значком на кителе. — Неужели вы не понимаете, что вся эта генеральская затея с наступлением на Волгу, а потом на Москву совершенно нежизненна! Красные знают, за что воюют, и потому армия у них растёт. А что мы можем предложить солдатам, кроме «единой и неделимой России»? А думаете, нужна им эта господская Россия, конечно, нет! Солдаты устали от войны и не хотят больше воевать. Это вам не ясно?

«Ага! — злорадно подумал Родька. — Им самолёты и пушки надо! Сейчас им слабо с нами воевать!»

Митьку он нашёл на пустыре. Мальчик что-то копал палкой на заброшенном огороде.

— Ты чего, Митька, клад ищешь? — насмешливо спросил Родион. — А беляков не боишься? Они жадные до кладов. Увидят, как ты копаешься, сразу к коменданту потащат. В прошлый раз мне одному досталось. Про тебя сказали, что маленький, ничего ещё не понимаешь, а теперь так не отделаешься! Ну, чего у тебя, неужто клад?

— Не-е, — протянул Митька. — Не клад, его есть не будешь. Вон, глянь-ка, чего тут есть. Получше клада!

— Хрен! — удивлённо воскликнул Родька, увидев кучку сложенных корешков. — Вот это здорово, но пока бросай это дело. Идём змей пускать, это интереснее!

— Змей?! — обрадовался Митька. — Конечно, пойдём!

— Айда за ним, видишь, ветер какой! Во полетит!

— А вдруг к белякам улетит, ветер-то туда. Что тогда будем делать? спросил Митька.

— А ничего! Белякам тоже интересно будет посмотреть на настоящего змея. Они такого сроду не видели!

Митька оглянулся кругом, быстро спрятал за пазуху корешки и стремглав помчался к дому. Родион бросился было за ним, но сразу же одумался. «Ещё под пулю попадёшь», — решил он и неторопливо пошёл шагом.

Когда он подошёл к дому, где жил Митька, тот возился со змеем и прилаживал к нему большой мочальный хвост. К концу его привязал красную ленточку.

— Это я у Лёльки взял, потом ей вернём, — сказал он. — Ниток у меня много, во какой моток. — Мальчик вытащил из-за пазухи большой клубок. — А ежели этого мало будет, есть ещё, вот погляди! — За пазухой мальчугана оказался ещё моток.

— Ты не думай, что краденые! — сказал он, заметив

удивление Родьки. — У солдат выменял на хрен, ловко? Они голодные, как и мы. Офицерьё им ничего не дают, говорят, что сами должны добывать себе питание!

— Ладно, Митяй, после поговорим. Привязывай скорей змея, да пустим его. Ветер никак стихает, давай живей!

Мальчик торопливо размотал часть клубка и привязал конец к деревянной планке змея.

— Теперь держи его крепче! — крикнул Родион. Разматывая на бегу нитку, он побежал против ветра.

Митька зорко следил за ним.

— Пуска-ай! — заорал Родька.

Змей метнулся к земле, потом резко повернул в сторону и взмыл вверх. Сильный ветер погнал его всё выше и выше, и Родион еле успевал разматывать моток. Делая вид, что не может змея удержать, он побежал по ветру.

У врагов

Впереди была застава белых. Солдаты заметили летящего змея и, задрав головы, наблюдали за ним.

— Стой! Куда бежишь?! — крикнул один. — Не видишь, что нельзя сюды?! Стопори свой аэроплан, а то зараз его постреляем! Стой!

— Дяденька! — отчаянно крикнул Родион. — Не могу сдержать! Попробуй, как тянет!

— Вот я попробую плёткой. А ну давай сюды, живо!

Но едва пальцы солдата коснулись нитки, Родион незаметно скинул с мотка два витка, и надрезанная им ранее нитка оборвалась...

— Ну вот! — захныкал мальчик. — Упустил! Я знал, что так случится, что теперь делать буду? Ленточка Лёлькина улетела, попадёт мне за неё! Дяденька, можно мне туда сбегать? Змей далеко не улетит — упадёт!

— Нельзя туда ходить, не знаешь, что ли? Вон спрашивай у начальника. Солдат кивнул головой на вышедшего из дома пожилого офицера. — Спроси, может, пустит!

— Господин полковник! — крикнул он. — У пацана улетел змей! Он просится за ним сбегать. Пустить его или нет?

— Змей? — переспросил офицер. — А может быть, уж? — И он захохотал, довольный своей остротой. — А ну пойди сюда! — крикнул он Родиону.

Мальчик подошёл и с удивлением смотрел на маленького толстяка, с широким круглым лицом и маленькими свиными глазками. «Ну баба и баба, совсем как тётка Агафья! — подумал он. — Неужто не пустит?»

— Вон, вон, книзу пошёл! Упал, однако! — закричал солдат. — Вон за тем огородом!

— Позвольте мне, господин генерал, за ним сбегать, — попросил мальчик, жалобно смотря на полковника. — Я мигом слетаю! Змей-то Митькин, а ленточка Лёлькина, попадёт мне!

— Ладно! — сказал толстяк. — Но чтобы одна нога здесь, другая там! Понятно? Живо!

Родион помчался, но, немного пробежав по главной улице, свернул на боковую, которая шла к реке. Где-то там упал змей. Но мальчика интересовали пушки, а не змей. Он знал, что они должны быть совсем недалеко, и потому побежал тропинкой, которая была проложена над рекой. Он внимательно рассматривал все овраги и лощины, но пушек нигде не было видно. «Где же они, окаянные?! — размышлял мальчик. — Куда

их запрятали беляки?»

Он перешёл через глубокий овраг и увидел, что дальше расстилается поле. «Здесь они никак не могут быть, — решил он. — Но где же они? Пройду ещё маленько и вернусь, ничего не сделаешь!» Но вдруг впереди он увидел, как, словно из-под земли, поднимались вершинки деревьев. «Что такое, как же они растут?» — удивился мальчик. Он быстро прошёл вперёд и неожиданно оказался на краю обрыва, который круто спускался в узкую глубокую лощину. В том месте, где она расширялась, стояли палатки. А ближе к реке, у самой воды, виднелись пушки! Они высоко задрали к небу свои стволы и были похожи на странных огромных жуков. Около пушек ходили часовые. «Вот они!» — восхищённо прошептал Родион. Он широко раскрыл глаза, словно боялся, что пушки смогут исчезнуть так же чудесно, как и появились. «Восемь штук! Хитрые беляки, как их поставили, под самую гору! Конечно, их никак не увидишь!»

На самом берегу реки, недалеко от пушек, возвышалась большая одинокая берёза. «Во, примета! — обрадовался мальчик. — Какая высоченная, её издалеча видно! Теперь домой!»

Он поспешно пустился в обратный путь. Ему хотелось бежать что было мочи, чтобы рассказать скорее о пушках, но нельзя было привлекать внимание белых. Он тихо пошёл по тропинке, будто гуляя, срывая по дороге цветы и останавливался, наблюдая за жаворонками, точно застывшими в воздухе. Песни птиц звучали как-то особенно звонко, словно и они радовались успеху мальчика. Но на душе у Родиона было неспокойно. «Если беляки заметили, что я видел их пушки, будет плохо», — думал он.

Но вот показалась застава. Двое солдат сидели на завалинке дома, по дороге с винтовкой на изготовку ходил незнакомый чубатый казак. Сердце Родиона тревожно забилось. «Не вернуться ли обратно и подождать, когда стемнеет? — мелькнула мысль. — Во рожа какая страшная! Такой не пропустит!» Но было уже поздно: его заметили.

— Эй! — крикнул чубатый. — Ходи сюда, живо! Чего здесь делаешь, шпионишь?

— Что ты, дяденька, я за змеем бегал, мне разрешили!

— Я покажу тебе змея, шпион поганый! Семёнов, взять его!

Подошёл солдат.

— Это не шпион, Василий Никандрыч, — сказал он. — Господин полковник приказал его пропустить. У него, вишь, змей улетел.

— Какой к чёрту змей! Чего городишь? Меня, брат, не обманешь, шпион это!

— Дяденька, какой же я шпион? — испуганно заговорил

мальчик. — Лента Лёлькина улетела, без неё мне никак нельзя вертаться, запорет тятька. Пустите меня, дяденька!

— Вот господин полковник идёт, — заметил солдат. — Он скажет, что с ним делать.

Родька бросился было навстречу идущему, но его остановил сердитый окрик казака:

— Стой! А то зараз пулю получишь в мягкое место!

Офицер подошёл и, мельком взглянув на мальчика, спросил:

— Ну чего у вас тут? Шпиона поймали? Ай да молодцы! Хвалю! Вот что, парень! — обратился он к Родьке. — Бери ноги в охапку и катись отсюда полным ходом, чтобы и духу твоего здесь не было! Понятно?

— Понятно, господин генерал! — живо отозвался мальчик и что было духу помчался по улице.

Чубатый казак неторопливо вскинул винтовку и прицелился...

— Брось баловаться! — сказал полковник, рукой отводя дуло винтовки. Чего он тебе сделал, что ты его застрелить хочешь? Будто это заяц, а не человек! Побереги лучше патроны, пригодятся.

А Родион бежал и ждал выстрела. Он слышал, что беляки часто так делают — отпустят пленного, а потом стреляют. Но выстрела не последовало, и мальчик юркнул в первую боковую улочку. Навстречу ему выскочил Митька.

— Ну как, нашёл? — взволнованно спросил он. — А ленточку не украли?

— Потом, потом, Митька! — На бегу крикнул Родион. — Потом расскажу!

Он побежал к мастерским, где работал дядя Петя. У проходных ворот стоял часовой.

— Куда прёшь? — грубо закричал он, скидывая с плеча винтовку. — Пошёл отсюда, пока цел! Нечего здесь шататься!

— Господин солдат, дядю мне надо, он здесь работает.

— Потом придёшь, когда гудок будет. Проваливай!

— А тебе кого надо, парень? — спросил проходивший мимо рабочий. Может, я знаю?

— Мастера мне, дядей Петей звать, позови, пожалуйста!

Рабочий ушёл, и в дверях скоро появился дядя Петя. Он сердито посмотрел на мальчика.

— Ну, чего надо? Ежели насчёт самоката, так зря пришёл, времени нет с ним возиться. А матке скажи, что молока больше не буду у неё брать. Чистая вода, а не молоко! Так и скажи.

Удивлённый мальчик не успел рта раскрыть, как дядя Петя резко повернулся, и дверь за ним захлопнулась. Родион постоял немного, ничего не понимая, и потом медленно направился к

дому.

«Что такое с ним? — размышлял мальчик. — Разговаривать не стал, про какой-то самокат поминал, мамку ругал, будто забыл, что её убили. Может, он решил, что я ничего путного не узнал и только зря его беспокою?! Вот беда какая! — досадовал Родион. — Так всё удачно получилось, а он и слушать не захотел!»

Вовсе опечаленный, он подошёл к знакомому домику. На дверях висел большой замок. Он не хотел идти в свой дом, где после смерти матери жила его тётка. Долго не раздумывая, он залез по дереву на крышу, а оттуда через слуховое окно на чердак. Там в одном углу лежало сено, и мальчик растянулся на нём. Он очень устал за эти два дня и хотел отдохнуть. «Дядя Петя рано не придёт, а до вечера мне делать нечего», — решил он и моментально заснул.

Ему казалось, что прошло совсем немного времени, когда он проснулся и услышал, как внизу кто-то открывает дверь. Это вернулся с работы дядя Петя.

Родион скользнул по дереву вниз и вошёл в дом. Дядя Петя сурово на него посмотрел.

— Ты что же, совсем сдурел? — сказал он сердито. — Зачем пришёл в мастерские? Был у белых, а от них прямо ко мне? Неужто не понимаешь, что подводишь не только меня?! Видел, как беляк уши навострил, когда я с тобой разговаривал? Они за нами следят, знают, что нам с ними не по дороге. Заметил, что форма у часового не русская, а английская? Значит, это шкура, доброволец, ему надо выслуживаться перед начальством. Вот он и слушает, не скажет ли кто против их власти, не замышляют ли чего рабочие. Потому я и сказал про самокат, про молоко, а ты не понял! Эх, Родион, Родион, соображать надо маленько, если хочешь нашему делу помочь! Рассказывай теперь, удалось что-нибудь узнать?

— А ты большую берёзу на берегу знаешь? — спросил Родион. — Одна стоит, почти у самой воды.

— Ну, знаю, но при чём тут берёза? — удивился рабочий. — Я тебя про пушки спрашиваю, а не про берёзы.

— Вот там и пушки, — тихо сказал Родион. — Восемь штук! Зелёные, тупорылые, не такие, как у моряков, много меньше!

— Значит, видел! — обрадовался дядя Петя. — А не ошибся, не померещилось тебе, — может, брёвна были?

— Что я пушек, что ли, не видел! — обиделся Родион. — Самые настоящие пушки, это точно.

— Ну и молодец же ты, Родька, не думал я, что это тебе удастся. Теперь вопрос, как нам передать эти сведения красным?

Из наших никого не пошлёшь, следят беляки и из посёлка не пускают. Вот если бы ты, Родион! Рискнёшь, а?

— Чудак ты, дядя Петя! Да я за этим и прибег сюда, а ты разве не понял?! Только научи, как место точнее обсказать, где пушки стоят, чтобы ошибки не вышло. А то начнут наши бабахать по кустам, только зайцев пугать без толку! А снаряды мы искали и ни одного не могли найти. Куда они деваются? Непонятно.

Ответственное задание

— Забудь, Родион, пока про зайцев и про снаряды и слушай, что я тебе скажу. Писать ничего не буду, передашь на словах. Только маленький план нарисую, где пушки стоят. А красным передашь, что им незачем теперь идти по главному руслу. Их пароходы где угодно пройдут по такой воде. Так и скажи начальнику моряков. Пусть они идут подальше от берега, а когда минуют три мыса, возьмут направление на большую берёзу. Её хорошо видно.

Беляки караулят реку, а красные явятся с луговой стороны и свалятся на них как снег на голову. Так и скажи. Повтори.

— Красным, значится, надо идти на пароходах лугами. Пройти три мыса и повернуть к берегу, на большую берёзу. Тогда берегись, беляки! Во как им моряки дадут! Вот будет здорово! — радовался мальчик. — Ещё чего передать?

— Скажи, что офицерские полки белых и их штабы в двадцати километрах от Камы, на реке Шешме. Там их главные силы. Оттуда они, наверно, собираются ударить на Волгу. Здесь же только пушки и батальон пехоты, а выше по реке и вовсе никого нет. Разобьют батареи, а потом хоть до Перми можно спокойно идти! Белякам тогда срочно придётся сматывать удочки, чтобы не попасть в окружение. Понял, Родион, не перепутаешь?

— Всё передам, дядя Петя, не беспокойся. Не забуду. Но сейчас не пройдёшь, сцапают.

— Ясно, Родька, иди спать, а вечером я тебя разбужу. Совсем стемнело, когда мальчика кто-то потянул за руку.

— Вставай, Родион, пора! — услышал он тихий голос. Мальчик вскочил, словно ошпаренный.

— Фу-у!.. — облегчённо вздохнул он. — Мне приснился казак, который меня хотел стрелить. Я будто бы побежал от него, споткнулся и упал. А он ударил меня ногой и вскричал: «Вставай, шпион!» — я и вскочил! Но не думай, дядя Петя, это я во сне могу упасть, а так ни боже мой! Бегать могу, особенно если испугаюсь чего!

— Ты уж сделай так, чтобы не бегать, — посоветовал дядя Петя. — Главное дело, не торопись. Прежде чем будешь переходить фронт, осмотрись кругом получше.

— Никакого фронта тут нет. Я так понимаю: фронт — такая линия, через которую мышь не должна проскочить. А здесь в любом месте стадо коров можно перегнать, и никто не увидит. Разве это фронт?!

— Всё равно будь осторожнее, чтобы дело не провалить. Вот это куда-нибудь получше спрячь, — сказал дядя Петя, вручая мальчику маленькую бумажку. — Пушки я отметил крестиком, а это три мыса, которые надо обойти. Здесь ничего не написано, сам всё расскажешь. А пока подкрепись на дорогу, вот молоко и хлеб.

Родион быстро управился с краюхой хлеба, выпил большую кружку молока и поднялся. Бумажку он спрятал на голове под кепкой.

— Я пойду, — сказал он и, не попрощавшись, выскользнул из дома. Чёрная тьма охватила его, и мальчик в нерешительности остановился. «Может, дождаться рассвета? — подумал он. — Куда тут пойдёшь! Нет, пойду, — решил он. — И так, наверно, моряки посчитали меня за шпиона!»

Ощупью он двинулся вперёд. Глаза привыкали к темноте, и вскоре мальчик разглядел изгородь прогона, по которому он недавно гонял овец. Грязная, не просохшая после таянья снега дорога стала светлеть. Родион свернул в сторону и пошёл кустами. Здесь он чувствовал себя в безопасности, но всё-таки остановился и долго прислушивался.

Подвиг

Было тихо, только временами тёмное небо наполнялось звонким посвистом пролетающих утиных стай. Родион пошёл дальше. Впереди он увидел деревья. Они росли по краям канавы. «Вот где может быть застава у беляков», — подумал он, пригибаясь к земле. Ползком он перебрался через канаву и вдруг совсем рядом услышал лёгкий храп. «Беляки!» — решил мальчик и тихо повернул назад. Но потом будто что-то вспомнил, изменил направление и пополз прямо на храп. Чуть приподняв голову, он зорко всматривался в темноту. Вот он увидел тёмный силуэт солдата, прислонившегося к дереву. Голова у него была опущена — он спал. Другой солдат лежал прямо на земле. Винтовка была прислонена к дереву.

Родион полз прямо к спящим. До них уже оставалось несколько шагов, как вдруг лежащий на земле солдат дико завопил:

— Держи его, держи! Вон он! Вон он! Хватай его, стреляй!!

Мальчик прижался к земле и замер. Только маленький кустик прикрывал его, Но почему же кричащий даже не поднял головы?!

— Спи ты, чёрт старый! Ревёт во сне, как бык! — сердито пробормотал солдат, сидящий у берёзы. — Счастье твоё, что матросы на своих пароходах сидят, а то бы они научили тебя, как кричать в засаде! Спи!

Родион лежал затаив дыхание. Обернись солдат назад — и всё было бы кончено. Сведения, которые он так страстно хотел передать красным, не были бы доставлены.

Долго он лежал неподвижно. Сердце тревожно билось, и он боялся, что стук этот могут услышать. Но солдат, который кричал во сне, не проснулся, а другой дышал ровно и даже посвистывал носом.

Родион поднял голову и весь обратился в слух. «Подожду ещё, до рассвета далеко. Пусть заснут покрепче», — решил он.

Вскоре и второй солдат захрапел. Мальчик подождал немного, потом осторожно поднялся и подошёл к спящим.

Тихо потянул на себя винтовку, стоящую у дерева, ухватил её другой рукой и поднял. Затем медленно, на цыпочках, отошёл в сторону. Дойдя до кустов, он вскинул винтовку на плечо и зашагал прочь.

«Теперь никто не скажет, что Родька Кирсанов не сможет воевать! размышлял он. — Вот, пожалуйста, скажу я, винтовка для первого раза, а потом, может быть, и пушку увезу из-под носа беляков! Ну и удивится начальник, когда я приду с винтовкой!»

Тяжёлая винтовка давила на плечо, и Родион понёс её в руках. Идти стало легче. «Теперь надо как-то миновать посты моряков, — подумал он. — А то опять потащат к начальнику, скажут, что поймали шпиона! А то и подстрелить могут, ночью ведь не видно, свой идёт или чужой!»

Опять застава!

Долго он шёл кустами и решил, что матросская застава осталась позади, как вдруг его остановил грозный окрик:

— Стой! Кто идёт? Руки вверх! — В лицо упёрся длинный ствол пистолета, кто-то выдернул из рук винтовку...

— Стой, гад, попался! Мы тебя давно поджидаем, шпион проклятый! произнёс чей-то знакомый голос. — Ещё винтовку захватил! Вот мы и испытаем её на тебе. О такую дрянь, как ты, свои винтовки не будем марать!

— Товарищ Силин! — радостно воскликнул Родион, узнав по голосу знакомого комендора, который на корабле доставал для него матросское обмундирование. — Это я, я, Родион, неужто забыл?!

— Я-то помню, ты, гадёныш, наверно, забыл, как мы тебя пожалели и приютили?! А ты в благодарность к белым подался, и ещё хватило совести обратно вернуться! Вот начальник тебя поблагодарит!

— Силин, ты к начальнику его хочешь вести? — послышался суровый голос. — Чтобы он опять его приголубил?! Так не выйдет! Раз сюда пришёл, пусть здесь и останется!

Посторонись маленько, нечего с ним церемониться! — В темноте металлически звякнул затвор винтовки...

— Брось, Смирнов! — решительно заявил Силин. — Я здесь старший и никакого самоуправства не позволю. Доставим его в штаб, пусть там решают!

— Дяденька! — горестно завопил мальчик. — Да ведь я нарочно к белым бегал, про пушки узнавал! Мне сам начальник про них говорил. А винтовку я разве зря принёс? У беляка утащил я её! А вы меня застрелить хо... тите! расплакался он, больше от обиды, чем от страха.

— Ладно, ладно, потом расскажешь! Не реви, никто тебя стрелять не будет! — сердито сказал комендор. — А вот если врать будешь, тогда уж не обижайся!

— Чего мне врать, хотите записку покажу? Дядя Петя послал.

— Начальнику покажешь! Пусть он с тобой говорит, а мне тошно! Марков! обратился он к невысокому моряку в бушлате и с двумя пистолетами за поясом. — Отведёшь его в штаб. Понятно?

— Есть, товарищ старшой! Отвести шпиона в штаб! — бойко ответил матрос.

— Морские узлы умеешь вязать? — обратился к нему Силин. — Завяжи ему руки, а другой конец сам держи, чтобы не сбежал! В прошлый раз он нас ловко обдурачил, вахтенный из-за него

выговор получил.

— Не сбежит! — сказал моряк, похлопывая рукой по двум своим наганам. Идём! — Приказал он Родиону.

Они пошли — конвоир впереди, мальчик сзади, обиженный и злой.

Понемногу рассветало. Смутными серыми пятнами обозначились кусты, по горизонту протянулась узкая лента зари. Из оранжевой она становилась золотой, багровели высокие облака.

Наступало утро. Мальчик торопливо шагал за своим конвоиром. У матроса были голубые детские глаза и маленький вздёрнутый нос. «Совсем молодой — и два нагана! Это здорово! Мне бы один! — подумал Родион. — А меня ведёт, как собаку, на поводке! Знал бы я, что так встретят, ни за что бы не пошёл! Ещё стрелять хотели!» От обиды он зашмыгал носом.

— Ты чего? — обернулся к нему матрос. — Сам прибег, а теперь скулишь?! Радоваться, парень, надо, что в хорошие руки попал. Будь на нашем месте белые, сразу бы хлопнули.

— Белые, белые! — не выдержал Родион. — А ты надо мной не изгиляешься? Веди к начальнику и не надсмехайся!

— Как же мне не надсмехаться? От горшка три вершка, а шпион! Вот всыплют тебе розог, узнаешь, как шпионить!

Родион промолчал. «Чего объяснять, всё равно не поверит! Расскажу начальнику, тот поймёт!»

Кустарники кончились. Впереди показались избы деревни, за ними светилась река. На фиолетовой воде резкими силуэтами темнели корабли флотилии. На мачтах алели флаги.

Сердце мальчика радостно забилось. Он попадёт на пароход, поговорит с начальником, и всё выяснится. Вот тогда он посмеётся над этим белобрысым моряком, который, наверно, и моря-то никогда не видел. Он презрительно посмотрел на широкую спину конвоира, на его светлые волосы, выбивающиеся из-под бескозырки, и рассмеялся.

— Ты что смеёшься? — спросил моряк. — Чего обрадовался? Или думаешь, что тебя с оркестром встретят? Сам начальник придёт и скажет: «Пожалуйте, господин шпион, на наш корабль. Отведайте наших матросских харчей, а потом мы вам доложим, сколько у нас имеется пушек, пулемётов и разного прочего хозяйства. Ежели вам потребуется узнать, сколько у нас стоит на довольствии тараканов, то вахтенный свистнет в дудку, прибежит баталёр и всех подробно пересчитает.

А вот насчёт клопов и других вредных насекомых — это уж вам придётся к своему начальству обращаться. Мы этих зверей не держим и не любим. Будьте спокойны, господин шпион, мы и у

вас их скоро всех перебьём, вместе с хозяевами, конечно! Понятно вам?!» Ну, иди, иди! — продолжал он. — Чего тянешься, как бычок на верёвке! Надоел ты мне хуже горькой редьки! И зачем тебя надо к нам вести?! Дал бы я тебе по загривку и пинка по одному месту, чтобы катился подальше отседа!

— Но, но! — огрызнулся Родька. — Полегче, не очень-то разоряйся! Знаешь ты, где у беляков пушки стоят? А я знаю, сам их видел! Во!

— Врать-то ты горазд! — насмешливо возразил моряк. — Мне ребята жаловались, как ты их опутал. Ничего, теперь умнее будем, больше нас не обманешь!

Деревня ещё не проснулась. Лишь кое-где из труб поднимались лёгкие дымки и словно таяли в розовеющем воздухе. Моряк спустился на берег и зычно закричал:

— На «Маматове», давай шлюпку!

На большом пассажирском пароходе, где помещался штаб передового отряда судов, раздалась переливчатая трель дудки и громко закричал вахтенный:

— Подвахтенные, наверх! Шлюпку на воду!

Все прекрасно знали, что шлюпку спускать не надо, так как её и не было, а за кормой парохода качалась самая простая речная лодка. Но это были балтийские моряки, и они свято хранили морские традиции. На военных кораблях нет лестниц, стенок и окон, а есть трапы, переборки, иллюминаторы и много других вещей, которые зовутся совсем иначе, чем на берегу. Моряки смеялись над волжанами, которые шлюпки называли лодками, а бросательные концы чалками.

Итак, говоря по-морскому, от парохода отвалила шлюпка. Сидящие в ней два матроса быстро гребли к берегу. Когда нос её врезался в песок, матросы выскочили и удивлённо уставились на мальчика.

— Видите, какого телка поймали, узнаёте?

— Это и есть тот самый, который вчера сбежал с «Вани-коммуниста»? спросил один.

— Ясно, что он! — подтвердил конвоир. — Мал, да удал! Верно я говорю, господин шпион?!

— Отстань, надоел! — огрызнулся мальчик. — Что-нибудь новенькое придумай!

— Это тебе новенькое надо придумывать, — возразил моряк. — А то затвердил: пушки, пушки! А видел ли ты когда-нибудь настоящую пушку, кроме наших? Голову даю, что не видел! Эх ты, паразит! Садись в шлюпку и помалкивай!

Вместо благодарности — канатный ящик!

Шлюпка подошла к пароходу, и матросы легко выпрыгнули на палубу. С ними поднялся Родион. Из кормовой каюты вышел начальник отряда.

— Ну, что нового? — спросил он. Увидев мальчика, нахмурился, и на лице его отразились досада и гнев.

— Опять ты у нас?! Опять будешь интересоваться нашими пушками и снарядами? Собирать шпионские данные, да?! — сердито закричал он. — Не хочу даже разговаривать с тобой! Пусть трибунал разбирает, с меня хватит! Накормите его и — в канатный ящик! — распорядился он.

— Есть накормить и посадить в канатный ящик! — отрапортовал вахтенный.

— Товарищ начальник, товарищ начальник! — испуганно закричал мальчик. За что же в канатный ящик?! Я же сделал, как ты говорил! Бумага у меня! Никакой я не шпион!

Но начальник давно захлопнул дверь каюты и его не слушал. Расстроенный, он уселся за стол. «Так обмануться, — горько сетовал он. — Хорошее, честное лицо, а на самом деле... Это мне урок, нельзя быть таким доверчивым».

Настроение ещё больше ухудшилось. Утром его вызвал к прямому проводу командующий Второй армией Шорин и так закончил свой разговор: «Сметая губительным огнём вражеские батареи, приказываю вам продвигаться вверх по Каме. В помощь высылаю отряд коммунистов». Распоряжение о высылке отряда его обрадовало. В те тяжёлые времена партия высылала коммунистов на самые ответственные участки фронта. Но как продвигаться вверх по реке, когда хорошо пристрелянные батареи неприятеля создают огневую завесу, через которую без потерь нельзя прорваться! Имеет ли право он, начальник главных сил флотилии, рисковать созданными с таким трудом кораблями, посылая их на верную гибель?!

А кроме того, был ли смысл отдаляться от частей Красной Армии, которые вот-вот должны подойти?! Ведь только комбинированный удар с реки и с берега мог заставить неприятеля оставить свои позиции. Но медлить тоже нельзя: враги могут подтянуть подкрепления и начать наступление на Волгу. Вот этого и боялся начальник отряда и потому нервничал. «А тут ещё этот несчастный мальчишка!»

— Вахтенный! — крикнул он в открытый иллюминатор.

Дверь в каюту отворилась, и в просвете показался моряк в бескозырке, из-под которой буйно выбивались рыжие кудри.

— Вот что, Петров! Передай боцману, чтобы назначил гребцов на шлюпку отправить мальчишку в ревтрибунал.

— Товарищ начальник, ребята говорили, что он про какую-то бумагу поминал. Будто вам должен передать. Его обыскали, но ничего не нашли. Наверное, брешет!

— Бумагу? — удивился начальник. — Чего же раньше мне не сказали? Приведите его.

Когда в каюту ввели Родиона, начальник с трудом его узнал. Лицо было заплакано, глаза смотрели исподлобья. Куда делись его жизнерадостность и прямота?! Он был похож на загнанного зверька и подозрительно поглядывал на сидящего начальника.

— Какая у тебя бумага, показывай! — Родион мрачно взглянул на начальника, потом на вахтенного и, словно нехотя, достал из волос бумажку, свёрнутую в трубочку.

— Дядя Петя послал, — сердито сказал он.

— Что такое? Ничего не понимаю, — пробормотал моряк, внимательно рассматривая бумажку. — Вот это похоже на береговую линию, здесь какая-то стрелка, а против неё крестик. Ничего не понимаю. Может, ты знаешь, Родион?

Мальчик молчал. «Пусть сами разбирают, раз мне не верят! — со злорадством думал он. — Если попросят по-хорошему, тогда скажу».

— Ну, рассказывай, парень, довольно тебе дуться. Говоришь, дядя Петя послал эту бумажку, а кто он такой? И что означает этот рисунок? Почему здесь крестик? Рассказывай, Родион, что знаешь.

— Дядя Петя — рабочий, красный он. А рисовал он реку. Велел сказать вам, чтобы вы шли на батареи лугами, воды везде много. Беляки вас оттуда ждать не будут. Пройдёте три мыса, а потом завернёте к берегу, стрелкой показано, где поворот. А крестик — это пушки, восемь штук. Это я узнал про пушки, видел их, а вы... — Мальчик не выдержал и горько зарыдал. — Вы хотели меня расстрелять, за шпиона признали!

— Успокойся, Родион, дело военное, и ты сам виноват, что так получилось. Почему сбежал и никого не предупредил, разве можно так?! Сказал бы мне, что ты надумал!

— А ты мне поверил бы? — сердито спросил мальчик. — Сразу бы посадил в канатный ящик?! Потому и сбежал!

— Пожалуй, ты прав, друг! — сказал начальник, внимательно глядя на мальчика. — В чужую душу не влезешь, особенно в такую маленькую, как у тебя!

Теперь он был убеждён, что мальчик говорил правду. Однако

где-то глубоко, в подсознании, таилась мысль, что всё это могло оказаться ловушкой, придуманной врагами. Он решил ещё допросить мальчика.

— Так, хорошо, Родион, а больше ничего не передавал твой дядя Петя? Сколько беляков у вас в Полянках, не говорил?

— Он сказал, что у нас только пушки и немного солдат и офицеров. Он назвал сколько, но я забыл слово.

— Может быть, полк или рота? — подсказал моряк.

— Не, — отрицательно покачал головой Родька. — Другое слово!

— Какое же другое?! Батальон?

— Во, во! Батальон! — обрадовался мальчик. — А дальше по берегу белых нет, дорога свободная.

— А где главные силы белых, не слышал?

— Дядя Петя говорил, что полки из одних офицеров стоят на реке Шешме, это километров двадцать отсюда. Там много беляков. Про берёзу я ещё не сказал, — вдруг вспомнил мальчик. — Прямо против пушек, на берегу, стоит большая берёза. Когда повернёшь к берегу, держать надо на неё, как раз к пушкам выйдешь!

— Ну и прекрасно! — весело заметил начальник отряда. — Всё ясно, Родион, иди получай свою форму! Только больше не бегай, смотри! Без разрешения никуда, понятно? Сигнал поднять, срочно! — обратился он к вахтенному: — «Флагман требует к себе начальников дивизионов канонерских лодок».

— Есть! — отозвался вахтенный. — Пошли, разведчик! Они вышли, и начальник облегчённо вздохнул. Всё-таки он оказался прав! Вера в человека не подвела. То, что рассказал мальчик о силах и расположении неприятеля, точно совпадало со сведениями, полученными от перебежчиков. Основные вражеские силы были на реке Шешме, здесь же оставлен лишь заслон. Его необходимо было уничтожить.

Военный совет

На штабном пароходе «Капитан Маматов» собрались начальники дивизионов. Высокий, жилистый Леонтьев, всегда спокойный и выдержанный, явился первым. На маленькой шлюпке, с одним матросом, подгрёб плотный и суровый начальник четвёртого дивизиона Водоватов. Это был старый матрос, решительный и храбрый. Начальник третьего дивизиона канонерских лодок, невысокий, юркий Коротков, тоже был из военных моряков.

— Товарищи! — начал командир отряда судов. — Получено интересное предложение, как нам уничтожить проклятые батареи, которые нас здесь задерживают. Вот записка, её доставил задержанный паренёк, Родион Кирсанов. Здесь ничего не написано, только небольшой чертёж. Смотрите! — Он передал начальникам бумажку. — Видите, нарисован берег и три мыса. Теперь взгляните на карту. Вот эти мысы, крестик же обозначает место, где стоят пушки. Неизвестный товарищ рабочий советует нам идти не по фарватеру, а прямо затопленными лугами. После третьего мыса повернуть к берегу и держать на большую одинокую берёзу. За ней расположены пушки. Всё это мне рассказал сам Родион, которого мы посчитали было за шпиона. Ваши соображения, товарищи!

— Насколько достоверны эти сведения? — спросил Коротков. — Чем вы докажете, что этот план рисовал рабочий, а не какой-нибудь царский полковник?! Можете поручиться, что мальчишка не подослан врагами?

— Да! — твёрдо сказал начальник отряда. — Я могу поручиться, но моё решение не обязательно для вас. Вам необходимо всё продумать, а потом уж решать. Ваше мнение, Иван Степанович! — обратился он к Водоватову, старшему из начальников дивизионов.

— Пойдём полями, какая разница! Мы и так превратились из морских волков в речных крыс. Я на всё согласен, только бы турнуть беляков, чтобы у них пятки засверкали!

— А ежели эта ловушка подстроена белыми, тогда что? — сказал Коротков. — Угробим только корабли без всякого толку.

— То есть как — угробим? — возразил Водоватов. — На фарватере, где у них всё пристреляно, не угробили, а на чистом плёсе можно будет маневрировать, а это большое дело! Ты, товарищ Коротков, что-то чересчур страхуешься! Ловушки бояться нечего, надо идти, как показано в записке. Её послал рабочий, для меня это ясно, а не написал он ничего, чтобы не подвести

мальчишку. Пусть товарищ Леонтьев скажет, как он думает.

Все повернулись к командиру канонерской лодки «Волгарь-доброволец», который невозмутимо сосал огромную «козью ножку».

— По моим сведениям, товарищи, — сказал он, — сегодня к ночи должны подойти передовые части двадцать восьмой дивизии. Они, конечно, не будут здесь задерживаться и пойдут дальше. Нам тоже надо будет ударить по белякам. Неизвестный товарищ правильно советует идти лугами, чтобы нагрянуть на них неожиданно. Выйдем на рассвете. Я хотя и речник, но готов быть и полевиком. Я за поход полями!

— Всё ясно! — заключил начальник отряда. — Выход в три ноль-ноль. Съёмка по сигналу ратьером[4] с «Вани-коммуниста».

— Ну, вот и решили! Теперь не плохо было бы и чайку попить! — заметил Водоватов, смотря на начальника отряда.

— Конечно, не плохо, — поддержал его Леонтьев, — но вот беда, кок на берегу, а тут одни командиры! Выходит, что некому и чайник вскипятить!

— Это, братцы, дело не наше. Раз нас позвал к себе флагман, он и должен позаботиться! Верно я говорю? — повернулся Водоватов к начальнику отряда.

— Конечно, верно, беда лишь в том, что, кроме воблы, к чаю нет ничего! Если товарищи командиры не будут возражать против чёрных сухарей, тогда порядок — чай состоится!

Он вышел из каюты и очень скоро вернулся с большим чайником.

— Братва над нами сжалилась и уступила чайник. Только что вскипятили, сказал он, вытаскивая из-под койки мешок с сухарями и несколько сухих рыбок.

— О, «карие глазки»! — весело заметил Водоватов. Он взял одну рыбу за хвост и стал сильно бить её о край стола. — Прогоним здесь беляков, пойдём на Волгу, там стерлядей похарчим!

— А ловить на что будешь? — с усмешкой спросил Леонтьев. — На якорьки, которые у тебя на ленточках?!

— А беляки на что? — в свою очередь удивился Водоватов. — Не видел разве, сколько рыбы всплывало, когда они по нас палили! Это, брат, вернее любого крючка!

— До Волги ещё далеко, а пока давайте поднажмём на воблу, — посоветовал начальник отряда. — Вобла прекрасно заменяет сахар. Прошу угощаться!

Недолго сидели командиры за чаем. Надо было готовиться к походу.

Корабли атакуют с полей

А вечером маленькая деревушка наполнилась шумом и стуком колёс, тарахтением тачанок, на которых были установлены пулемёты, бряцаньем оружия и весёлыми голосами красноармейцев. Подошли долгожданные части Второй Красной Армии. Бойцы с удивлением поглядывали на лихих военных моряков, обвешанных пулемётными лентами и гранатами, на боевые пароходы, на которых высоко к небу задрали свои узкие горла длинные морские орудия.

Общее наступление на Камские Полянки было назначено на раннее утро, чуть начнёт светать.

В полной темноте на флагманском судне «Ваня-коммунист» замелькал огонёк ратьера. «Всем вооружённым судам сняться с якорей и следовать за мной», семафорил флагман, приказ быстро облетел все корабли. Послышались резкие трели боцманских дудок, по трапам и палубам затопали сотни ног. Глухо зарокотали шпили и лебёдки, поднимая якоря. Звякнули звонки машинных телеграфов, и по тёмной воде зашлёпали плицы пароходных колёс. Суда снимались с якорей и на малом ходу выстраивались в кильватерную колонну. Замелькали огоньки на «Ване-коммунисте», и суда увеличили ход, направляясь в тёмные просторы залитых полой водой лугов. В туманной дымке растворились берега, и корабли шли в полной темноте, беспрерывно измеряя глубину. Никогда ещё балтийским морякам не приходилось плавать по лугам, и поэтому все облегчённо вздохнули, когда флагманский корабль круто повернул и пошёл вдоль невидимого берега. Вновь заработал ратьер. «Идти строем уступа», передавалась команда. Чуть посветлело небо на северо-востоке, тёмной полоской наметился берег, занятый белыми. Начальник отряда стоял на мостике и всматривался в туманные контуры берега.

— По времени нам следует поворачивать к берегу. Вы как думаете? обратился он к командиру судна. — По-моему, мысы пройдены! Повернём?

— Есть поворачивать к берегу! — отозвался командир. — Курс — чистый север! — приказал он рулевому.

Медленно покатился нос корабля к берегу, за ним повернули и другие суда. Часто-часто замигал на флагмане сигнальный огонёк: «Боевая тревога!». Зазвенели колокола громкого боя, на судах словно всё взорвалось. Стремительным и шумным потоком мчались моряки по трапам и быстро занимали места по боевому расписанию. Не прошло и минуты, как всё затихло и на судах

воцарилась тишина. Грозная, насторожённая, когда все помыслы и воля сотен людей были охвачены одним порывом. Комендоры плотно прильнули к оптическим прицелам орудий, сигнальщики до боли в глазах следили за расплывчатыми очертаниями берегов, механики встали у рычагов управления. Люди и корабли были готовы к бою...

Быстро рассветало, и на востоке небо зажглось пожаром. По воде побежали золотые стрелы, и из тёмной вода стала фиолетовой.

— Товарищ Климов! Пошлите ко мне Родиона Кирсанова, — приказал командиру начальник отряда. — Может, он увидит место, где стоят пушки. Скоро будет совсем светло, надо торопиться. Бой выиграет тот, кто первым откроет огонь!

Маленькая фигурка в матросском обмундировании проворно поднялась на мостик.

— Родион, вот где-то там должна быть берёза. Возьми бинокль, посмотри, может, и узнаешь место!

Родион внимательно взглянул вокруг. Взгляд его остановился на тёмных силуэтах судов, идущих строем уступа, и на моряках, наблюдающих за сумеречным берегом.

— Не умею я, — сказал он, отстраняя от себя бинокль. — Таперича недалеко, и так увижу.

Прибрежная дымка в это время расходилась. Показались тёмные пятна береговых обрывов и какие-то строения. Родион положил руки на поручни, сощурил глаза и всматривался.

— Вон, вон берёза! — взволнованно произнёс он, показывая рукой чуть в сторону от направления, по которому шли корабли. — Там пушки!

Начальник отряда посмотрел в бинокль и кивнул головой.

— Правильно, друг! — одобрительно сказал он. — Василий Георгиевич! позвал он флагманского артиллериста. — Видите берёзу между двумя холмами? Там батареи! Расстояние, полагаю, не больше пятидесяти кабельтовых[5]. Открывайте огонь!

— Прицел пятьдесят, целик двадцать! — скомандовал артиллерист. Наводить на отдельную берёзу, чуть правее курса! Залп!!

Клубок жёлтого пламени вырвался из дула носового орудия, громыхнул выстрел. На берегу, за берёзой, поднялся и повис в воздухе бурый столб. Донёсся глухой гул разрыва.

— Уррра! Как надо! — радостно завопил Родион. — Вот это здорово! Я говорил, что белякам достанется!

— Прицел сорок восемь! Передать флажками! — распорядился артиллерист. Беглый огонь!!!

Мглистую тишину утра нарушил дружный залп судовых

пушек. Почти одновременно в долине, где стояли пушки, поднялись бурые дымы, похожие на гигантские грибы. Глухо зарокотали прибрежные холмы.

— Самый полный! — крикнул начальник отряда, подбегая к переговорной трубе. — Поднять «Буки»!

На рее «Вани-коммуниста» взвился треугольный флажок с красным кружком в середине — сигнал увеличить ход.

Корабли задымили и, стреляя из носовых пушек, пошли ещё быстрее. На берегу вспыхнули огоньки, и среди судов флотилии поднялись невысокие водяные фонтаны от упавших снарядов. Это был единственный залп со стороны белых батарей. Берег быстро приближался, и на него грозно шли корабли, строго выдерживая интервалы. В бинокль можно было различить, как панически суетились враги у пушек, засыпаемых снарядами с кораблей. Видно было, как метались они по берегу, запрягая лошадей и увозя пушки.

Суда подошли совсем близко к берегу, когда невдалеке раздалось громкое «ура», смешанное с треском винтовочных выстрелов и таканьем пулемётов. Это входили в посёлок бойцы Красной Армии. Враг бежал...

На флагмане был поднят сигнал прекратить огонь, на судах засвистели дудки, возвещающие отбой боевой тревоги.

Начальник отряда на шлюпке съехал на берег.

В узкой лощине, где только что находились вражеские батареи, сиротливо валялись две пушки. У одной из них было сорвано колесо, другая была опрокинута близким разрывом.

Родька, незаметно забравшийся в шлюпку, важно разгуливал по берегу. «Какие это пушки! — презрительно думал он, осматривая оставленные орудия. Вот у нас — это пушки! С ними не страшно воевать!»

— Видишь, Родька, какие пушки, разве можно их с нашими равнять? А сбить всё-таки мы их не могли, потому что они хорошо были укрыты! — сказал подошедший начальник отряда. — Пойдём посмотрим беляков теперь.

Окружённые красноармейцами, стояли перепуганные пленные. Все они были плохо одеты, в драных шинелях, некоторые в лаптях. Со страхом смотрели они на подходивших моряков. Их командиры уверяли, что моряки всех расстреливают, никому нет пощады!

Немного в стороне сидели несколько офицеров в добротных английских костюмах, с золотыми погонами. Они презрительно смотрели на окружавших их бойцов.

— Вот они, спасители родины! Сто чертей и одна ведьма! — злобно пробормотал начальник отряда.

— А чего канителиться?! В расход их, товарищ начальник! — крикнул один из моряков, сдёргивая с плеча винтовку.

— Обожди, браток! — вмешался конвоир. — Это всегда успеется. Велено доставить всех в штаб, там разберутся! А вот посмотрите, — кивнул он головой на понуро сидящего офицера в старом, заношенном кителе и без погон. Видите, какая у него рожа! Баба и баба, верно?! Так он напялил на себя женское платье и чуть не удрал. Повязал на голову платок, никто и не подумал, что это мужик, да ещё офицер! Сапоги подвели! Кто-то из ребят заметил, что у него из-под юбки сапоги торчат не бабьего образца! Пленные говорят, что это царский полковник!

Родион внимательно всматривался в лицо офицера и вдруг вспомнил, где его видел. Это было на заставе. Чубатый казак задержал его и хотел застрелить, а этот офицер, с бабьей рожей, вступился и приказал отпустить. Мальчик вспомнил, как он бежал и ждал выстрела в спину! «Неужто его шлёпнут?» — со страхом подумал он и тихо потянул за рукав начальника.

— Дядя начальник, — шепнул он, — это хороший беляк; не стреляй его, умоляюще добавил он.

— А его никто и не собирается стрелять, — равнодушно заметил моряк. — В штабе допросят, всё разузнают, а дальше видно будет, что с ним делать! А ты откуда его знаешь?

— Знаю! — упрямо сказал мальчик. — Он меня от смерти спас!

— Разберутся! А теперь идём искать твоего дядю Петю. Надо его поблагодарить, верно? — Родька кивнул головой.

На доме, где помещались мастерские, был поднят большой красный флаг. В обширном застеклённом помещении шёл митинг. На трибуне, наспех устроенной из ящиков, виднелись люди в военных фуражках. Это были представители политотдела дивизии. Проводился набор добровольцев. Председательствовал высокий и плотный рабочий.

— Вон он, дядя Петя! — обрадовался Родион. — Я так и подумал, что он не зря здесь оставался! Видишь, какой важный!

Начальник отряда подошёл к трибуне.

— Здравствуйте, товарищ! — сказал он, прикладывая руку к козырьку. — Вы этого парня узнаёте?

— А вы получили мою записку? — улыбаясь, спросил председатель. Получили? Ну, тогда всё в порядке! Поблагодарите парня за отличное выполнение задания! Знаете, как он рисковал? И вы не очень ласково его принимали! Разные бывают перебежчики, в душу к ним не влезешь! Теперь у вас свободный путь вверх по Каме, — продолжал он, — только имейте в виду, что в устье реки Вятки белые поставили минное заграждение.

Реку придётся почистить от мин. А тебе, Родион, — обратился он к мальчику, — большое рабочее спасибо! Не подкачал! Отец вернётся с фронта, порадую его, скажу, какой сын у него растёт! Спасибо, парень! — Дядя Петя крепко пожал смущённому мальчику руку. — А вам, — напутствовал он начальника отряда, — счастливого плаванья! Бейте беляков и в хвост и в гриву, как говорится!

Показательный бой

После боя у селения Камские Полянки путь вверх по реке Каме стал свободным.

Утром на следующий день на рее флагманского корабля «Буйный» взвился сигнал: «Всем судам следовать за мной».

Загремели по клюзам якорные цепи, забегали по палубам моряки, весело загудели пароходные гудки. В кильватерную колонну построились боевые корабли, сзади длинным хвостом вытянулись вспомогательные суда и баржи.

Волжская военная флотилия двинулась вверх по реке освобождать захваченные врагом родные земли.

Невдалеке от устья реки Вятки движение судов застопорилось, «Буйный» поднял сигнал: «Судам встать на якорь».

Идти дальше без разведки было нельзя. Перебежчики сообщили нам, что немного выше устья реки Вятки находится сильная флотилия белых, а река в районе устья перегорожена минным заграждением. «Мин там набросано до чёрта! Сквозь воду их хорошо видно, — говорил старик рыбак. — Чёрные большущие шары, вроде как лягушачья икра».

Чтобы выяснить обстановку, мы пошли в разведку на двух судах канонерских лодках «Буйный» и «Волгарь-доброволец». На борту флагманского судна «Буйный» находились только что приехавшие из Москвы командующий флотилией Пётр Иванович Смирнов и член реввоенсовета Николай Фёдорович Измайлов. Их приезд порадовал моряков. Все мы были балтийцы, а кто на Балтике не знал отважного и непримиримого председателя Центробалта Измайлова!

Скоро по правому берегу Камы открылась широкая долина.

— Слева по носу устье реки Вятки! — крикнул вперёдсмотрящий.

Надсадно зазвонили колокола громкого боя. Боевая тревога... По трапам затопали торопливые матросские ноги, моряки занимали свои боевые посты, сигнальщики прильнули к дальномерам...

— Прямо по носу, в конце плёса, неприятельские суда! — доложил сигнальщик начальнику отряда. — Двенадцать судов, на всех подняты царские флаги!

Мы схватили бинокли. Вражеские корабли были хорошо видны. На их мачтах развевались андреевские флаги — косой синий крест на белом поле. Суда проделывали какие-то странные манёвры, перестраиваясь в кильватерную колонну. Борта их опоясались огоньками и окутались клубами дыма. Неприятель

открыл по нашим кораблям беглый огонь.

Вокруг поднялись невысокие всплески от падающих снарядов. Но большинство вражеских снарядов падало в воду, не долетая до нас. Суда белых, как мы потом узнали, были вооружены обыкновенными полевыми пушками, в то время как на наших кораблях стояли дальнобойные морские орудия. Мы могли вести бой на дистанциях, недосягаемых для пушек неприятеля.

— Как лягушки квакают! — презрительно заметил Родион, стоящий на мостике. Его начальник отряда держал в качестве рассыльного. — Скорей бы наши ахнули! Эва какие от ихних снарядов брызги! От наших выше мачт столбы поднимаются!

— Поднять сигнал: «Идти строем фронта!» — приказал начальник отряда.

Корабли выровнялись в линию и полным ходом шли на противника. Моряки-комендоры с нетерпением поглядывали на флагманского артиллериста Василия Жирова. А он, облокотившись на поручни, что-то с жаром доказывал командующему.

— Василий Георгиевич, не пора открывать огонь? — окликнул Жирова начальник отряда.

— Огонь?! — Артиллерист быстро взглянул на неприятельские корабли. Сколько на дальномере? Семьдесят? Залп! — скомандовал он.

Две носовые пушки изрыгнули из себя пламя и оглушительно рявкнули. Чуть дальше белогвардейских кораблей поднялись водяные фонтаны.

— Во как здорово! — обрадованно крикнул Родька. — Маленько не попали!

— Перелёт! — заметил Смирнов, смотря в бинокль. — По целику хорошо!

— Два меньше! — в рупор крикнул Жиров. — Залп!

Сердито громыхнули морские орудия, и вновь снаряды упали за вражескими судами.

— Ещё два меньше! Залп!

— Прекрасно! — воскликнул Смирнов, увидев, как под носом головного судна медленно поднялись высокие водяные столбы.

— Беглый огонь! — последовала быстрая команда.

Две носовые пушки, словно соревнуясь в быстроте, открыли частую стрельбу. Снаряды рвались теперь между судами белых.

На одном судне вдруг вспыхнуло пламя, и судно окуталось чёрным дымом.

— Урра-а! Есть один! — дико завопил Родион. — Горит! Пошёл к берегу! Даёшь следующего!

Горящий пароход ткнулся в берег, чёрный столб густого дыма

пополз к небу. Строй вражеских судов смешался. Беспорядочно стреляя, они стали отходить к мысу, за которым был расположен город Елабуга.

— Даёшь вперёд! Даёшь Елабугу! — неслись по кораблям ликующие крики. Смерть белякам!

Но преследовать врагов мы не могли: впереди были мины, и их надо было протралить.

— Интересный бой получился! — улыбаясь, заметил Измайлов. — Прямо показательный! Вот как надо пользоваться дальнобойной артиллерией! Надо быстрей очистить от мин реку и двигаться дальше. Видите, какое настроение у команды! Теперь только вперёд и вперёд! — продолжал он. — Ваше мнение, Пётр Иванович? — Тот молча кивнул головой.

— Дайте распоряжение третьему дивизиону немедленно приступить к тралению фарватера! — приказал Смирнов.

Начальник отряда козырнул.

— Будет выполнено. Разрешите идти на базу, товарищ командующий?

На судах флотилии слышали пушечную стрельбу и с нетерпением ждали нашего прихода. Когда моряки узнали, как легко наши пушки вывели из строя белогвардейское судно, то словно шквал пронёсся по кораблям!

— Вперёд, вперёд! Даёшь Елабугу! Нечего бояться мин, пройдём как-нибудь! — возбуждённо кричали моряки...

Вечером на флагманском корабле «Буйный» собрались командиры кораблей. Наутро предполагалось наступление на Елабугу, и необходимо было наметить план совместных действий. Ведь, кроме пяти кораблей флотилии, в операции принимали участие 28-я Азинская дивизия и отряды моряков Кожанова.

Совещание ещё не закончилось, как в дверь кают-компании кто-то постучал. Вошёл помощник командира судна.

— Товарищ командующий! — сказал он. — Наши задержали какого-то человека. Он сказал, что нарочно к нам перешёл, чтобы передать важные сведения командованию. Разрешите привести?!

— Давайте! — кивнул головой командующий. — А вы, товарищи, — обратился он к нам, когда дверь за помощником закрылась, — попробуйте определить, что это за перебежчик — шпион или наш человек? Для нас это очень важно понять. Ведь мы ничего не знаем о силах неприятеля в Елабуге.

— Разрешите войти?! — раздался весёлый голос, и в дверь кают-компании как-то боком втиснулся высокий черноволосый моряк. Он держал за плечо невзрачного понурого человечка. Из-под нависших бровей его на нас быстро взглянули зоркие глаза.

— Вот, Пётр Иванович! Поймали мы его на краю деревни,

прямо на нашу заставу напоролся!

— Никто меня не ловил! — сердито сказал незнакомец. — Я сам пришёл, с белыми мне не по пути! Я рабочий!

— Обожди, друг! — остановил его моряк. — Тебя спросят, тогда и отвечай.

— Документы у него в порядке. Живёт в Елабуге, а зачем к нам подгрёб, пусть сам объяснит!

— Скажите, — спросил Смирнов, — какие части стоят в Елабуге? И сколько у белых вооружённых пароходов?

— Солдат в городе мало, наверное, меньше полка. А пароходов было двенадцать. Все они ушли вверх по реке, в городе осталось два парохода. Наверное, и их нет теперь.

— Скажите, какой пароход мы подбили и какое у него вооружение?

— Пароход «Грозящий», вооружён, как и другие, — четыре полевых трёхдюймовых пушки и два пулемёта.

— Кто командует флотилией? — спросил Измайлов.

— Какой-то Старк. Говорили, генерал, флотский.

— Верно! Старый царский адмирал! — подтвердил командующий. — Ну, что же, всё ясно! Уведите его!

— Господин начальник! Это что же? Под расстрел? — горестно завопил пленный.

— Успокойтесь! Придём в Елабугу, там разберёмся! Ну вот, товарищи командиры! — заговорил Смирнов, когда пленного увели. — Как будто всё в порядке. Сведения, по-видимому, верные! Что пароходы белых вооружены четырьмя полевыми пушками, мы знали и раньше, а что они ушли из Елабуги, очень вероятно. Поняли, что с нашими пушками им не тягаться! Итак, канонерки «Терек» и «Рошаль» выходят на позиции в два ноль-ноль, остальные — с рассветом. Всё!

Бой у «Святых Ключей»

Ранним утром, ещё в полной темноте, канонерские лодки «Терек» и «Рошаль» заняли позиции в большой излучине, которую образует река Кама в районе бывшего имения «Святые Ключи». С этих позиций хорошо просматривалось длинное плёсо реки у города Елабуги и береговые укрепления. Канонерки должны были открыть огонь при первом появлении неприятельских судов.

Канонерские лодки «Буйный», «Ваня-коммунист» и «Волгарь-доброволец» вышли в поход, когда заалела заря. На борту флагманского корабля находились командующий флотилией Смирнов и член реввоенсовета Измайлов.

Весенняя полая вода вышла из берегов и широко разлилась по долине и низменным пойменным лугам. Наши три корабля, оставляя в стороне излучину реки, шли затопленными лугами, направляясь к далёкому мысу, который прикрывал собой Елабугу.

Стоящие на позиции «Терек» и «Рошаль» с рассветом открыли огонь. Снаряды разрывались где-то далеко за мысом.

На «Буйном» зазвенели колокола громкого боя, люди разбежались по местам боевого расписания. Настала тишина. «Терек» и «Рошаль» в это время перешли на беглый огонь, залпы следовали один за другим, но враг молчал.

— Странно, что беляки не отвечают на огонь наших канонерок! — заметил Измайлов. — Неужто оставили город без боя?!

— Очень возможно, — улыбнулся Смирнов. — Не понятно только, по какой цели наши палят так крепко! Хотя смотрите! — быстро добавил он.

Из-за мыса показался вооружённый пароход белых. За ним второй, третий, четвёртый... Дальше шли ещё пароходы... Всего мы насчитали одиннадцать судов! Перед нами была опять вся флотилия белых!

Для нас это было неожиданно. По словам перебежчика, в Елабуге оставалось лишь два вооружённых парохода, остальные же все ушли вверх по реке. Мы поверили, так как нам очень хотелось скорее взять Елабугу, двигаться потом дальше и освободить от врагов родную реку. И вот теперь за эту доверчивость, которую мы, командиры, проявили, надо расплачиваться. Отступать перед врагом, хотя он и был значительно нас сильнее, мы не могли.

Неприятельские корабли шли кильватерной колонной, один за другим. Выйдя из-за мыса на широкий простор реки, они открыли частый огонь по канонерской лодке «Терек», стоящей

недалеко от берега. Чёрными клубами дыма окутался корабль, у бортов его выросли блестящие водяные фонтаны. Пользуясь удачным курсовым углом, белые стреляли по судну из всех своих пушек. Яркое пламя вдруг вспыхнуло на корабле...

— Попадание в «Терек»! — доложил сигнальщик. — Ещё одно! — вскоре добавил он.

Огненный факел поднялся выше мачт, но корабль продолжал стрелять быстрые огоньки пушечных залпов сверкали сквозь дым.

Идя полным ходом, стреляя из носовых пушек, мы спешили на помощь. Но стрельба наша была неудачна: мы были слишком далеко. Три дальнобойных орудия били по головному неприятельскому судну и не могли в него попасть. Трудно было требовать от артиллеристов точной стрельбы, когда на наших глазах неприятель расстреливал товарищей с «Терека» и они гибли в неравном бою. Ведь против двух морских орудий, которыми они отстреливались, действовало свыше сорока полевых пушек. И все эти пушки, выполняя волю командующего белой флотилией адмирала Старка, обрушили губительный огонь на одно судно. Мы быстро сближались с белыми, но они будто не замечали нас. Их целью было уничтожение канонерок, стоящих на якорях, и они упорно проводили эту операцию.

На «Тереке» пламя пожара полыхало по всему судну, осколком снаряда заклинило затвор одного орудия, и стреляла лишь одна пушка. Но вскоре и она замолкла. Окутанное дымом горящее судно ткнулось носом в берег...

Неприятель, следуя тем же курсом, перенёс огонь на канонерскую лодку «Рошаль». От попавших снарядов на судне начался пожар. Огонь быстро охватил всю палубу и надстройки, но команда оставалась на своих боевых постах, — к грохоту орудийных залпов примешивался треск пулемётов. Но после нескольких сильных взрывов пушки замолкли, и канонерка, в дыму и в огне, выбросилась на берег.

А наша стрельба по-прежнему была неудачна — ни один снаряд из наших трёх пушек не попал в цель. То ли успех вчерашнего боя вскружил головы нашим артиллеристам, то ли ими овладела некоторая неуверенность после гибели двух кораблей, но мы ничем не могли помочь нашим товарищам, которых белые расстреливали почти в упор. Снаряды, посланные торопливой рукой комендора, летели куда-то в пространство, а в общей сутолоке и спешке даже нельзя было определить, где они падали.

Две наших канонерки погибли, а мы на трёх судах продолжали полным ходом идти на сближение с неприятелем.

Огонь сорока четырёх пушек противника теперь обрушился

на нас. Вокруг поднялись водяные взмёты, воздух наполнился громом разрывов и шелестом осколков. Стреляя из трёх носовых пушек, мы продолжали идти прямо на врага. При большом количестве пушек у неприятеля это был неоправданный риск, но мы, словно опьянённые горячкой боя и жаждой мести, вопреки здравому смыслу и рассудку, шли всё вперёд и вперёд.

Первым это осознал командующий флотилией.

— Прикажите срочно поворачивать! — крикнул он начальнику отряда.

Тот в недоумении посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Поднять сигнал «Поворот все вдруг»! — последовал приказ сигнальщику.

Не по-военному медленно пополз вверх двухфлажный сигнал. На лицах моряков выразилось явное разочарование: все ждали и были готовы к смертельной рукопашной схватке с ненавистным врагом, и вдруг — поворот! Немного времени ушло на выполнение этого манёвра, а расстояние между нами и белыми судами ещё более сократилось. Осыпаемые градом снарядов, отстреливаясь из кормовых пушек, наши суда начали отступление. Вся флотилия белых, непрерывно стреляя, преследовала нас. Вражеские снаряды с воем проносились над головами и, ударяясь в береговые обрывы, с грохотом взрывались. На месте взрывов вырастали столбы бурого дыма, похожие на чудовищные грибы. Снаряды, падающие у бортов, поднимали водяные фонтаны, а осколки с визгом прорезали воздух. От грома разрывов не слышно было слов команды, а лица командиров, стоящих на мостике, покрылись пороховой копотью, и только глаза блестели зло и напряжённо. Но попаданий в наши корабли не было.

От частой стрельбы наши пушки стали капризничать. На «Буйном» вдруг застряла гильза в стволе, и орудие временно вышло из строя. У двух других пушек на канонерках тоже что-то заело, и они замолкли. А враги упорно преследовали нас и непрерывно стреляли.

Уже недалеко было устье реки Вятки, где оставались все вспомогательные суда. Отступать дальше было нельзя. Какой угодно ценой, но мы должны были остановить флотилию белых, а иначе неизбежен был полный разгром всех наших плавучих баз. Необходимо было немедленно наметить хорошую позицию и на ней устоять.

Лесистый мыс у Котловского острова ненадолго прикрыл нас от неприятеля. На мачте «Буйного» взвился сигнал: «Поворот все вдруг». Корабли быстро развернулись и строем фронта встали навстречу врагу. На этой позиции мы приготовились стоять

насмерть. Это читалось на решительных лицах моряков, диктовалось боевой обстановкой.

А из-за недалёкого мыса в это время показался неприятельский корабль. Грянул наш дружный залп, и корабль окутался чёрным дымом... Но на этот раз не было ликования, не было радостных криков. Это был первый пароход, но ведь у белых осталось ещё десять!

Окутанный дымом, полыхая огнём, неприятельский пароход повернул обратно. Два судна, появившиеся из-за мыса, подошли к нему, подали буксирные концы и, беспорядочно стреляя, повернули обратно. Опять погорячились наши артиллеристы, и снаряды пролетели над мачтами! Из-за мыса вывернулся четвёртый пароход белых. Разворачиваясь, он дал залп из всех четырёх пушек, но вражеские снаряды прогудели над нашими головами и упали далеко на рейде, где стояли вспомогательные наши суда.

Начальник отряда удивлённо взглянул на мачту и увидел Родиона, который, подобно белке, сидел на рее.

— А ну, живо вниз! — сердито приказал он. — Зачем туда забрался?!

Мальчик быстро спустился, обдёрнул рубаху и встал смирно.

— Ты что же, весь бой просидел на мачте? — удивлённо спросил начальник отряда.

— Конечно, весь! — гордо ответил Родька. — Знаешь, как оттуда хорошо видно?!

— А ты, злодей, где должен быть по боевому расписанию?! Забыл?! А если бы мне надо было тебя куда-нибудь послать, что бы я стал делать?! Лезть за тобой на мачту, что ли?

— Зачем на мачту? — возразил Родион. — Я и сам бы слез, только бы крикнул!

— Но зачем тебя туда понесло, вот что мне непонятно?!

— Товарищ начальник! — смущённо сказал сигнальщик. — Это я его туда послал. Когда командующий приказал поднять флаги к повороту, один флаг что-то заело — и он не распустился. Мы даже обрадовались: уж больно не хотелось поворачивать! Ещё немного — и беляки сами бы повернули, это уж наверняка! Командующий рассердился, я и послал тогда Родьку, чтобы распутал, а он там и затаился, как белка!

Подслушанный разговор

В каюту начальника отряда судов поспешно вбежал радист.

— Товарищ начальник! — взволнованно заговорил он. — Подслушал сейчас разговор беляков по радио! Они послали в распоряжение своего штаба сорок солдат. Отряд где-то затерялся, и они думают, что его уничтожили красные!

— Удивительно! — произнёс начальник. — Куда же делся этот отряд?! Наших впереди нет, беляков тоже не слышно, посты молчат! Где же они шатаются?! А больше ничего не слышал? — спросил он.

— Нет, товарищ начальник, больше ничего!

— Ладно! Позови ко мне Родиона!

— Эй, Родион!! — крикнул радист, выйдя из каюты. — К начальнику катись колбаской, живо!

Родион сидел на баке и чистил винтовку. Она у него, по словам моряков, и так блестела, «как чёртов глаз», но мальчику всё было мало. «Протрёшь ты ствол, Родька, будет твой самопал куда-нибудь вбок стрелять!» — смеялись моряки.

Услышав приказ, мальчик схватил винтовку и побежал.

— Родион Кирсанов явился, товарищ начальник! — по-военному вытянулся он.

— Ишь ты, брат, какой вояка! — улыбнулся начальник. — Дело есть, Родион. Ты знаешь деревню, где стоит штаб отряда Кожанова?

— Так это ж недалеко от Камских Полянок, конечно, знаю! — обрадовался мальчик. — А чего там нужно? Я сбегаю!

— Ну и хорошо! Позови ко мне комендора Грицких!

— Есть позвать к тебе комендора Ваську! — гаркнул Родион и пулей выскочил из каюты.

— Вот что, товарищ Грицких! — обратился начальник к вошедшему моряку. Отправишься в штаб отряда Кожанова с Родионом, он знает дорогу. Там доложишь Гудкову, что где-то невдалеке бродит белая банда, сорок человек. Надо срочно выяснить, где они и куда направляются. Самому в разведку не ходить и срочно вернуться, понятно?

— Есть, товарищ начальник, в разведку не ходить и срочно вернуться, — с досадой повторил моряк. — А всё-таки разрешите сходить в разведку? просительно добавил он.

— Ни в коем случае! Доложишь и вернёшься! Всё, можешь идти!

В штабе отряда моряков

Начальник штаба, Владимир Фёдорович Гудков, спокойно выслушал комендора Грицких.

— Вот что, друг! — сказал он. — В моём распоряжении десять моряков. Если двух пошлю, останется восемь! Маловато будет при нападении сорока бандитов! Но приказ есть приказ, придётся послать, ничего не поделаешь! Плохо только, что места незнакомые! Вот если бы с ребятами пацан пошёл, — он кивнул на Родиона, — было бы лучше!

— Товарищ начальник, я один пойду! — вдруг заявил Родион. — Я тут все места знаю, позвольте пойти!

— Одному нельзя, мало ли что может случиться! Вдвоём надо! У нас тут, вспомнил начальник штаба, — парнишка один привязался, из Камских Полянок. Вот разве с ним?

— Сидоров! — окликнул он проходившего мимо моряка. — Позови Дмитрия!

«Это какой же Дмитрий? — насторожился Родион. — Неужели мой дружок, с которым змея запускали? Вот было бы здорово!»

В избу вбежал маленький вихрастый мальчик.

— Митька! — радостно вскрикнул Родион, узнав своего товарища по играм. — Ты как сюда попал? Что делаешь? Тоже воюешь?! Вот здорово!

— Знакомые? — удивился Гудков. — И места знает? Ну и хорошо! Отправляйтесь вдвоём, но имейте в виду: задание выполнять точно, иначе голову оторву! Слушайте теперь внимательно! Где-то в наших лесах бродит отряд белых. Никто не знает, куда они пропали, даже сами беляки! Вам надо будет их выследить. Увидеть их не обязательно, но по следам посмотреть, где они путаются. Понятно? Дальше. Если случайно их встретите, немедленно бегите в деревню. Но если, не дай бог, они вас поймают, про красных ничего не говорите! Скажите, что никого тут близко нет. Чтобы они не приняли вас за разведчиков, возьмите с собой корзинки и собирайте грибы. Ты, Родион, будешь за старшего, понятно?

— А винтовку можно будет с собой взять? — нерешительно спросил мальчик.

— Да ты что, сдурел? — возмутился начальник штаба. — Идёшь за грибами, может быть, встретишь белых, и вдруг — винтовка! Забудь, что она у тебя есть! Всё, можете идти!

Разведчики

Мальчики миновали заставу моряков и вошли в лес. Стояла осень. Деревья роняли листья, и они с шуршанием падали на землю. В воздухе пахло прелью. Прозрачную тишину утра нарушали лишь хриплые крики соек. В лиственном лесу золотой ковёр устилал землю и ярко блестели серебристые стволы берёз, словно омытые дождями.

Яркими факелами горели рябины, и в разноцветные одежды оделись тополя и осины. Глубокое синее небо нависло над лесом, и казалось, что даже воздух пронизан золотом осени.

Весело и бодро шли мальчики по лесу. Корзины их наполнились грибами, но следов неприятеля нигде не было.

— Смотри, Родька, сколько лесу обошли, а беляков всё нет! Что они, по воздуху, что ли, летают? Куда они запропали, черти?

— Митька, ежели тебе надоело или ты будешь так громко говорить, иди лучше домой! Мы же с тобой в разведке, понимаешь? А грибов половину можно выбросить, чего зря таскать!

Они свернули с тропинки и углубились в лес. Шедший впереди Родька вдруг остановился и присел, потом обернулся и погрозил Митьке кулаком.

— Смотри, беляк! — чуть слышно шепнул он. — Дрыхнет! Как бы его захватить в штаб, вот было бы здорово!

— Эва, у него винтовка под боком, — так же тихо проговорил Митька. Как бы он нас не захватил! Бежим!

— Митька, я попробую его обмануть! А ты прячься получше и слушай, какой будет у нас разговор! Ежели он меня заберёт, беги в деревню и расскажи начальнику.

— А вдруг он в тебя стрельнёт с перепугу, тогда что?

— Не стрельнёт! — убеждённо ответил Родька. — Прячься скорей! Слушай только лучше!

Митька пополз и скрылся в густых зарослях папоротника. Родька прошёл немного обратно, потом повернул и, насвистывая, направился прямо к спящему солдату.

— Стой! Кто идёт?! — заорал тот, вскакивая и хватаясь за винтовку. Стой, стрелять буду!

— Фу, как ты меня напугал, дяденька! — притворился Родька. — По грибы я пошёл. У нас, вишь, в деревне белые стоят. Обобрали всё, что было съестного. Вот и приходится шастать по лесу и собирать грибы, есть-то нечего!

— Вот тебя-то мне и надо, мухомор крапчатый! — обрадованно сказал солдат, поглядывая на мальчика.

«Сам ты мухомор кислый! Тебя-то мне ещё больше надо! — покосился на него Родька, рассматривая мундир нерусского покроя. — Ишь какие пуговицы у него, чёрта, с собачьими головами или другого какого зверя, не поймёшь! Ещё нашивки золотые на рукавах! Эва как вырядился, будто индюк!»

— Чего смотришь, собачий сын, или прута захотел? Странно, что ты шляешься по лесу и красных не боишься! Сам, наверно, красный, говори! сказал солдат, подозрительно глядя на мальчика.

— Опоздал ты, дяденька, маленько! Красных давно здесь нет, они далеко, однако, учесали. Мы их теперь не боимся. Ваших зато полно. Куда ни плюнь, везде белые!

— Что?! — грозно заговорил солдат. — На кого ты плевать хочешь, а?! Я те покажу — плевать! Деревня твоя далеко?

— Не, близко, — ответил мальчик. — В нашей избе какой-то штаб стоит. Офицерья видимо-невидимо! Ещё генерал один живёт у нас, — фантазировал Родька. — Хороший старик, меня карамельками часто угощает.

— Штаб?! — обрадовался солдат. — Так нам его и надо! Чего же ты раньше этого не сказал, чёртова деревня! Мы вовсе закружились в ваших проклятых лесах. На поля боимся выходить — вдруг красные! А командир у нас, его благородие, сопляк, мальчишка, ну, вроде тебя, даже обличьем походит!

Родька недовольно поморщился: «Сравнивает, чёрт, с каким-то белогвардейцем!»

— Так вот, он в военном деле, — продолжал солдат, — ровно ничего не понимает. А тут, как на грех, компас потерял. Вот и водит нас по лесу, а куда — и сам не знает! Послал меня в разведку. Знает, что до красных не убегу, потому как я доброволец. «Посмотри, говорит, нет ли поблизости деревни, где наши белые стоят. Найдёшь — дай сигнал, три раза голосом кукушки. А мы, говорит, пока тут под ёлками отдохнём». Ночь-то мы почти не спали, — рассказывал он, — комары не давали, да и харчи вышли. Второй день на краюхе хлеба живём! Таперича они все дрыхнут, один кто-нибудь слушает, ждёт сигнала. Я тоже привалился было под куст, думал вздремнуть маленько, да тебя, чертяку, прямо на меня нанесло! Я даже спужался, подумал, что медведь. Но это счастье моё, что я тебя поймал. Командир мне спасибо скажет. Заместо языка будешь!

«Ишь какой, меня поймал! Ещё посмотрим, кто кого поймал!» — сердито подумал Родион.

— А ты не набрехал про наших-то? — спросил солдат.

— А чего мне брехать-то, дяденька, — сказал мальчик обиженно. — Я правду сказал, что штаб в нашей деревне! Вот

пойдём в деревню, сам увидишь!

— Ишь ты какой скорый! В деревню! Сначала надо своих созвать. Начальство решит, что делать. Пока командир всех разбудит да соберёт, знаешь сколько времени пройдёт!

— А кого собирать-то? — удивился Родька. — Всего-то, наверно, пять человек в отряде, а хвастаешь!

— Пять человек, говоришь? Эх ты, сморчок, не понимаешь военного дела! сердито сказал солдат. — Сорок человек в отряде, а не пять! Понятно тебе, обабок?

— Как сорок человек?! — нарочно громко, чтобы услышал Митька, переспросил Родион. — Так это же целый полк!

— Полк! — усмехнулся солдат. — Взвод, а не полк, ты, опёнка! Понимать надо!

«Вот чёрт, как ругается! — рассердился Родька. — Ну погоди, вспомнишь ты мухомора, и сморчка, и опёнка! Самые худые грибы перебрал, проклятый!»

— Наши должны быть где-то недалече. Вот слушай, как они сейчас отзовутся, — сказал солдат, прикладывая ко рту руки. — Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!.. Слушай лучше!

В отдалении отозвалась кукушка.

— Не они! — определил солдат. — Это настоящая кукушка! Наш командир, когда закукует, так собаки по деревням вой поднимают. Попробуем ещё!.. Вот они! Слышишь? — оживился белогвардеец.

Родион услышал какие-то странные звуки, отдалённо напоминающие собачий лай.

— Они, они! — радостно подтвердил солдат. — Идём!

Митька лежал в кустах и навострив уши слушал. Когда Родька крикнул про сорок человек и про полк, мальчишка испугался. «Что он, спятил, что ли? Сорок человек! А он хочет привести их в деревню! Вот дурень какой, да они всех наших перебьют! Надо бежать, предупредить!» Он пополз и, когда папоротник окончился, вскочил и побежал.

— Это чегой-то? — испуганно спросил солдат, вскидывая винтовку. Слыхал, как зашумело? Не медведь ли?

— Заяц, наверно! — беспечно ответил Родион. «Митька удрал, молодец!» подумал он.

— Ладно, давай вперёд! — приказал солдат. — Раз ты пленный! А я сзади пойду!

«Мели, Емеля, твоя неделя! — насмешливо подумал мальчик. — Вот когда я тебя возьму в плен, что ты запоёшь?»

— Ну, давай, давай! Чего задумался?! Слыхал, где наш поручик ревел, туды и держи!

В стане белых

Вскоре впереди показалась небольшая поляна, окружённая высокими елями. К небу поднимался голубой дымок костра, вокруг сидели люди в солдатских шинелях. На поляне стояло два пулемёта. Немного в стороне, на ложе из еловых лапок, развалился офицер. На плечах у него золотились погоны.

Пришедших белогвардейцы встретили гоготом и смехом.

— Го-го-го! — орали они. — Разведчик вернулся! Смотри-ка — не один! Никак шпиона поймал! И как он у него не отнял ружьё?! Вот это герой! Поручик тебя к ордену назначит!

— Штаб-то нашёл? — кричали другие. — Долго мы здесь комаров кормить будем?! Веди шпиона к поручику!

— Где его поймал? — спросил офицер. — Откуда он, что делал в лесу?

— Разрешите доложить, господин поручик, что поймал я шпиона в трёх километрах отседа, почти у самой деревни.

Там наш штаб находится. Близко я не подходил, не имел такого распоряжения, но издали видел господ офицеров. Все они в погонах, как полагается. Мальчишка уверяет, что у них в деревне даже генерал есть.

— Сейчас мы его допросим, — сказал офицер. — Эй ты, подойди сюда! крикнул он Родьке. — Сколько у вас в деревне красных? — быстро спросил он, пристально смотря на мальчика. — Точно говори, нам всё известно. Наврёшь плохо будет! — добавил он, вынимая из кобуры пистолет.

«Неужто застрелит, проклятая контра? — со страхом подумал Родион. — Не может быть, ничего-то он не знает, берёт на пушку!»

— Ну, говори, а то... — Офицер взвёл курок...

— Чего мне врать-то, дяденька? — плаксиво заговорил Родька. — Одни только белые у нас, с погонами. Красные ушли, снег ещё был. А у нас в избе штаб стоит и офицеров полным-полно!

— Тебя-то послали красные? — выпытывал офицер. — Скажи честно, по-хорошему. Я тебе нож подарю, вот такой, как у ребят. Где красные сейчас?

— Не знаю я никаких красных, — притворно заплакал Родька. — Отпусти меня, дяденька, матка заругает, ежели я без грибов приду. Есть-то нечего! Ваши меня пустили в лес, а ты чего меня стращаешь зря! Во, енерал мне ещё конфетину дал на дорогу! — Мальчик вытащил из кармана замусоленную конфетку.

— Ладно, не реви! Как звать тебя, шпингалет?

— Родькой Кирсановым, — бойко ответил мальчик. — А тебя как, господин енерал?

— Ну, до генерала мне ещё далеко! Вот с красными покончим, тогда видно будет! — сказал польщённый офицер. — Пока же зови меня просто господином офицером, понятно?

«Я тебя хоть царём буду звать, только приди в нашу деревню!» — подумал Родион.

— А дорогу ты найдёшь домой? — спросил офицер.

— Конечно, найду, а тебе что, туда надо? — безразлично поинтересовался мальчик.

— Значит, надо, раз спрашиваю! Ты скажи лучше, парень, как там в штабе, у всех офицеров на шапках красные ленточки или только у главных? Видел такие?

«Ишь как ловит! — подумал Родион. — Вовсе меня за дурака считает!»

— Какие ленточки? — притворно удивился он. — Такие же бляхи, что и у вас. И погоны такие же, золотые, вроде как у тебя.

— Ладно, вижу, что ты не шпион! — заключил офицер. — Но помни, если обманул, первая пуля тебе, понятно? Эй, Ефремов! — крикнул он.

К офицеру вразвалку подошёл громадный солдат, чуть не с ёлку ростом, как показалось Родиону.

— Вот рядом с ним пойдёшь, и если что заметишь, стреляй без команды.

— Чего его стрелять, даром пулю тратить, — прохрипел великан, презрительно взглянув на мальчика. — Дать щелчок по загривку, и.хватит с него!

«Здоров, чёрт! — с завистью посмотрел на него Родька. — Этакого, пожалуй, и моя винтовка не возьмёт, пушку надо! Эва какой медведь! Вот бы мне таким вырасти!»

Выступление

— В поход, ребята, собирайся! — закричал офицер.

Солдаты лениво поднялись, разобрали стоящие у деревьев винтовки, накинули на плечи вещевые мешки. Четверо впряглись в пулемёты.

— Отряд, стройся! — скомандовал офицер. — По порядку номеров рассчитайся!

— Все налицо, господин поручик! — доложил старшина.

— Мальчишка, вперёд! Будешь показывать дорогу! Ефремов! На шаг сзади, помни, что я тебе приказал! Отряд, напра... во! Шаа... гом марш!

Люди двинулись цепочкой, последним пошёл офицер.

На Родиона вдруг напало сомнение. «Ладно ли я сделал, что веду их в деревню?! А если встретятся моряки?! Завяжется бой, и тогда всё пропало, неизвестно, кто победит, ведь наших меньше! Надо этих гадов так провести, чтобы никого не встретить. Как это я раньше не сообразил?! Что же тут делать?» — мучительно раздумывал мальчик. И вдруг он вспомнил, что недалеко от реки есть дорога, по которой выгоняют скот на пастбище. Вот этой дорогой и решил Родион вести белых. В деревне прогон проходил мимо дома, где был штаб. А у штаба стоял часовой. «Он-то не прохлопает!» Кроме того, Родион знал, что Митька всё слышал и успел предупредить моряков. Они выставят пулемёты у деревни, и всё будет в порядке. Мальчик успокоился и повеселел.

А белый офицер шагал в хвосте отряда и недоумевал. «Странно, столько времени идём — и никаких застав. По-видимому, не наврал мальчишка — красных близко нет. Но всё-таки штаб мог бы выставить дозорные посты, чтобы не прозевать красных!»

Впереди показалась деревня. Родион увидел, что около штаба суетятся какие-то люди. На одном из них сверкнули золотом погоны. «Что такое?! Неужто беляки? — с ужасом подумал мальчик. — Ну, Родька, теперь ты пропал! Надо бежать, пущай стреляют, гады!»

Вестник

Митька вихрем примчался в деревню и вбежал в дом, где был штаб.

— Дядя моряк, беда! Белые!

— Спокойно, парень, панику не разводи! Говори, где белые? Может, стадо баранов принял за белых или тебя заяц напугал. Они тоже теперь маленько белые!

— Самые настоящие беляки, сорок человек! Родька их сюда ведёт, дурак такой! Я как услышал, вскочил и побежал.

— А Родька где? — спросил начальник штаба.

— Родька с ними остался. Он наврал беляку, что ихний штаб у нас в деревне стоит!

— В нашей деревне, штаб? — удивился моряк. — Неплохо придумал, молодец! Ну, а дальше что? Ты-то видел белых?

— Мы чуть не наступили на одного, он дрыхнул!

— Погоны на плечах у него были? Шапка или фуражка на голове? С бляхой или с ленточкой? Не заметил?

— Вот недавно один беляк к нам залетел — такие же погоны у него были и бляха такая же.

— Молодец, Митька! Настоящий разведчик! — похвалил моряк. — Срочно позови ко мне коменданта.

Мальчик убежал, а через минуту явился комендант.

— Есть, товарищ начальник, в чём дело?

— Дело, Василий, серьёзное и срочное! На складе у нас есть армейское обмундирование белогвардейское?

— Так точно, имеется! — подтвердил комендант. — Новый маскарад, с переодеванием? — спросил он.

— Точно! — сказал начальник. — Немедленно всем морякам переодеться, нацепить погоны и приготовиться к представлению! Сам будешь капитаном, мне принеси полковничьи погоны. Понятно? Всё! Аллюр три креста, как говорят армейцы! Самый полный!

Прошло совсем мало времени, пришёл комендант в полной офицерской форме.

— Хорошо? — обратился он к начальнику штаба. — Теперь, Владимир Фёдорович, объясни мне: для чего такое переодевание и что за представление ты готовишь?

— Очень скоро к нам пожалует отряд белых, под командой Родиона. Да, да! — подтвердил моряк, заметив удивление коменданта. — Их приведёт мальчишка! Всего сорок человек. Их надо встретить как полагается, по-хорошему, без стрельбы. Офицера ты ко мне приведёшь, а солдат разместишь на краю

деревни, в двух больших избах. Хозяевам придётся временно выселиться, объяснишь, что ненадолго! Потом поведёшь солдат в столовую, без оружия, конечно! Оно останется в домах, под охраной наших моряков. Ну, а дальше сам увидишь, что надо делать. Ясно? На всякий случай, — продолжал начальник штаба, — у входа в деревню поставь пулемёты, но чтобы их не было видно. Стрельбу без моего разрешения не открывать, и так возьмём их как миленьких!

— Порядок, товарищ начальник! — обрадовался комендант. — А то братва уже начала скучать без дела! Пусть приходят — встретим!

В ловушке

Увидев у штаба офицера в погонах, Родька пришёл в полное отчаянье. Он уже посматривал по сторонам, как бы нырнуть в кусты и удрать. Вдруг он услышал знакомый голос. Кричал и махал рукой идущий навстречу офицер с золотыми погонами. «Да это же Васька, комендант! — чуть не вскрикнул от радости Родька. — Вот здорово они придумали! Совсем как с баржой тогда! Ай да наши!»

Он насмешливо взглянул на своего конвоира, который по-прежнему шёл с чугунным лицом, сжимая, как тростинку, винтовку.

«Кто кого, дурья твоя голова, взял в плен! — злорадно подумал он. Скоро узнаешь!»

— Где у вас командир? — спросил подошедший комендант.

— Сзади их благородие, — кивнул один из солдат. — Эва идёт!

— Э-э, господин поручик! Мы вас давно уже ждём, где это вы пропадали? весело спросил комендант, прикладывая руку к козырьку. — Да мы где-то с вами встречались, вот только где, не помню! — насмешливо сказал он.

«Во как врёт здорово!» — с восхищением подумал Родька.

— Идёмте к начальнику штаба, он вас ждёт!

— Смирнов! — крикнул комендант проходящему мимо моряку, одетому в армейскую рубашку с золотыми нашивками на рукаве. — Солдат отведёшь в избы, где стоял взвод поручика Иванова. Пусть отдохнут, а потом проводи в столовую. Повару скажи, что я приказал поставить их на довольствие, а пока срочно накормить. Всё!

— Сюда пожалуйте, господин поручик. Здесь штаб. Часовой, стоящий у входа в дом, встал в положение «смирно». Поручик небрежно козырнул, подтянул ремни, поправил на боку наган и вошёл в дом.

Сидящий за столом начальник штаба моряков, на кителе которого золотились погоны полковника, при входе белогвардейца встал.

— Господин полковник! Отряд в количестве сорока штыков, при двух пулемётах, в ваше распоряжение прибыл! Докладывает поручик Зеленов! — чётко отрапортовал белогвардеец.

— Садитесь, поручик, очень рад! — сказал начальник штаба, усаживаясь за стол.

— Какие будут распоряжения, господин полковник? — спросил офицер.

— Распоряжения?! Очень простые! — улыбаясь, сказал моряк, незаметно доставая из ящика большой пистолет — парабеллум. — Руки вверх и ни звука! неожиданно приказал он, наводя пистолет на офицера. — Иначе гроб!

Побледневший офицер молча поднял руки.

— Что же это такое? — растерянно проговорил он. — Мы ведь не нарочно заблудились! Это какая-то ошибка!

— Ни звука, я сказал! Потом поймёте, где вы ошиблись!

— Разрешите войти! — раздался за дверью голос. В избу вошёл комендант. Погонов на нём уже не было. Поручик в ужасе смотрел на него. «Матросы!» вдруг понял он.

— Ну, как? — спросил начальник штаба.

— Полный порядок! — весело ухмыльнулся моряк. — Беляки в столовой сунулись к окну, где харчи выдают, а оттуда вместо супа — пулемёты! Они так и присели! Потом я вежливо их попросил поднять руки, а наши ребята отобрали оружие. Мы всех поместили в ригу. Там не жарко, темно и комаров нет!

— Итак, господин белый офицер, спектакль закончен! Отбери, Василий, у него оружие и документы и — в ригу! А ко мне позови Родиона!

Комендант ушёл, но быстро вернулся.

— Разрешите доложить, госп... виноват... товарищ начальник! Родион убежал с Митькой на реку, купаться. Просил передать, что, пока не охладится, из воды не вылезет! Уверяет, что у него температура поднялась до ста градусов, когда он увидел у штаба офицера в погонах, то есть меня, значит! Вот какой герой!

Самолеты

Мы встретились с белыми у города Камышина... Части 28-й дивизии наступали на город, а корабли флотилии вели бой с береговыми батареями.

Гулко громыхали морские дальнобойные орудия, с грохотом разрывались вражеские снаряды, вздымая блестящие фонтаны. В дымном воздухе проносились с шуршанием и визгом осколки, некоторые ударялись о броню, ограждающую мостики, и падали на палубу.

От пушечной канонады и грома разрывов словно раскалывался воздух. И вдруг среди взмётов и фонтанов поднялись высокие водяные столбы. Задержавшись на момент на высоте мачт, они распались.

— Вот это здорово! — удивился я. — Большого калибра пушка! Вот бы её захватить! — крикнул я командиру судна.

— Никак нет, товарищ начальник! — возразил командир. — Взгляните наверх! Это самолёты!

Я поднял голову и увидел четыре самолёта, плавно летающих над нами. Белокрылые машины словно купались в лучах солнца и напоминали больших стрекоз.

В те давние времена самолёты лишь начинали применяться при военных действиях, и мы видели их больше на картинках. А здесь, совсем невысоко, подобно огромным хищным птицам, в воздухе кружились настоящие боевые машины. На их крыльях виднелись чужие опознавательные знаки. Это были английские самолёты...

Корабли продолжали стрельбу по батареям, из-за грохота боя не слышно было рокота моторов, и на самолёты никто не обращал внимания. А я, словно зачарованный, смотрел в небо и наблюдал...

Вот от одного самолёта отделилась чёрная точка, за ней последовало ещё несколько... Это были бомбы! Они падали всё с большей и большей скоростью, ударялись о воду и со страшным грохотом взорвались. Искрящиеся водяные фонтаны поднялись выше мачт наших кораблей, в воздухе зашумели осколки.

На крутом развороте самолёты ещё бросили бомбы, и они чёрным роем полетели на землю. Вновь раздались взрывы, и вновь загудели, засвистели на разные голоса осколки. А самолёты развернулись и полетели к Царицыну (ныне Волгограду), — там была их база.

Замолкли пушки на судах, и на реке стало тихо. Враг бежал, и его яростно преследовали бойцы 28-й дивизии.

После отбоя боевой тревоги на флагманское судно «Буйный» явился командир канонерской лодки «Авангард революции», смелый и спокойный человек.

— В первый раз видел самолёты, — обратился он ко мне. — Они мне понравились. Очень красиво! Но когда посыпались бомбы, я просто не знал, куда деваться! Кажется, прямо тебе на голову летит! А самое неприятное, ты не можешь защититься! Мы стреляли, стреляли, и всё без толку!

* * *

После взятия Камышина наша флотилия почти без боёв дошла до селения Чёрный Рынок. Впереди окутанный туманной дымкой виднелся город Царицын, занятый белыми.

Подступы к городу были сильно укреплены врагами, и взять его нам не удалось. Трижды корабли флотилии прорывались к городу, поддерживая огнём из пушек наступающий десантный морской отряд Кожанова, и трижды мы отходили на исходные позиции из-за превосходства сил противника. Необходимо было дождаться подкреплений.

С первых же дней прихода флотилии под Царицын нас стали осаждать самолёты. Они на небольшой высоте долетали до рейда, где стояли корабли, делали крутой разворот, бросали бомбы и улетали. Это они проделывали очень точно, два раза в день.

После каждого налёта на мачтах кораблей взвивались флажные позывные флагмана, а с мостиков флажками передавались срочные донесения. Командиры кораблей сообщали об убитых и раненых, просили прислать шлюпки для перевозки их на берег.

Прямых попаданий в корабли не было, и бомбы взрывались, ударяясь о воду. Потери мы несли от осколков, которые со страшной силой пронизывали воздух и тонкие борта судов. А обороняться от самолётов нам было нечем. Единственным нашим оружием в то время являлись винтовки образца 1891 года.

При воздушной тревоге свободные от вахт моряки выскакивали на палубу и стреляли, но попасть не могли. Стрелял и я, выпуская обойму за обоймой, но тоже без толку. Нам и в голову тогда не приходило, что по самолёту, летящему со скоростью сто километров в час, надо целиться далеко вперёд. Пока спустишь курок винтовки, пока летит пуля, время идёт, и самолёт успевает пролететь немало метров. Но до этого мы додумались позднее, а вначале ловили самолёт на мушку и стреляли. Конечно, без всякого результата!.. Но однажды высоко

летящий самолёт после нашей отчаянной стрельбы вдруг резко пошёл книзу...

— Падает, падает!!! Урра-аа! Наконец-то попался стервятник! — дико вопили моряки, бросаясь к шлюпкам. Они поспешно разбирали вёсла и бешено гребли к берегу, на который спустился неприятельский самолёт. Шлюпки не успевали ещё дойти до мелкого места, а моряки уже прыгали в воду и насквозь мокрые выбегали на берег.

Двенадцатилетний салажонок Родион, которому вода доходила почти до горла, поднял над головой винтовку, а другой рукой загребал, как веслом. Не мог же он отстать от своих товарищей!

Самолёт опустился на моховое болото. Около него суетились два лётчика. Один поднял руку и что-то крикнул.

— Ах, кровопийцы! — злобно проговорил старший из моряков. — Стрелять не будем, возьмём живьём! Можете не бояться!

— Товарищ Силин, никак они собираются лететь! — возбуждённо завопил Родион. — Видишь, заделывают дырки от наших пуль! Разреши, я стрельну!

— Не торопись, успеешь! — остановил его моряк. — Беги вон к тем кустам, и ежели увидишь, что они заводят мотор, пали прямо по самолёту! Понятно!

Родька добежал до кустов и залёг. В это время один из лётчиков поднялся в самолёт, другой подошёл к винту.

«Ей-богу, улетят, проклятые! — со страхом подумал мальчик. — Надо стрелять!» Он прицелился и выстрелил.

Яростный вопль раздался из самолёта. Лётчик выскочил и замахал руками.

— С ума сошли! Машину мне разобьёте, черти! — донёсся до мальчика сердитый окрик. — Прекрати стрельбу!

«Ишь англичанин, а обзывается почище русского!» — удивился мальчик.

— Я тебе голову оторву! — на чистом русском языке кричал «англичанин», грозя кулаком. — Понимаешь ты русский язык или нет?! Да я тебя, как черепаху...

«Во как ругается, окаянный! — подумал Родион. — Даже черепаху знает!»

К самолёту, с винтовками наизготовку, подбегали моряки. Они окружили лётчиков, но те и не думали сопротивляться, даже рук не подняли кверху. Потом все вместе через болото отправились к берегу реки. Лётчики что-то оживлённо рассказывали.

Удивлённый Родион догнал идущих сзади моряков.

— Это кто, белогвардейцы? — тихо спросил он.

— Никакие не белогвардейцы, а такие же красные, как мы! — ответил один из моряков. — Горючего у них не хватило, понимаешь! Вот они и плюхнулись в болото. А наших не предупредили, думали, что и так пролетят! Во как получилось! Зря мы радовались!

* * *

Прошло немного времени, и мы установили на тумбочках пулемёты, из которых можно было стрелять вверх, а вскоре получили трофейные американские скорострельные пушки — макленовки. Воздух для нас стал менее опасным, но по-прежнему при налётах мы теряли людей, которые яростно обстреливали неприятельские самолёты из винтовок. Самолёты почти скрылись из виду, а стрельба не прекращалась. Слишком велика была ненависть наших моряков к чужеземным захватчикам.

Из белогвардейских газет мы узнали, что за каждый полёт англичане получали двести пудов муки. Это была цена за кровь, которая лилась на палубах наших кораблей!

Вот почему пулемётчику было трудно оторваться от своего пулемёта, и он держал самолёт на прицеле и стрелял, пока виден был враг.

Однажды, после неудачного наступления на Царицын, наши части были отброшены к селению Дубовка. Я шёл на катере для доклада командующему, который держал флаг на посыльном судне «Межень». Совсем уже немного оставалось до рейда, где на якоре стояла «Межень», как вдруг надрывно заревели пароходы, извещая о воздушной тревоге.

В небе появились четыре вражеских самолёта.

Пароходы поспешно расходились во все стороны. Заполненное пароходами Дубовское плёсо опустело. «Межень», сильно дымя, уходила вверх по реке. А самолёты, верные своей тактике, долетели до рейда, плавно развернулись над рекой и сбросили бомбы. Одна разорвалась совсем рядом с моим катером, и он запрыгал, как поплавок, на взбаламученной взрывом воде. В воздухе тоскливо засвистели и зашуршали осколки. Невольно я бросился на другой борт, за рубку, а там тоже поднялся огромный водяной столб и полетели осколки. Борт катера стал как решето, но люди остались целы.

А с пароходов и боевых судов шла стрельба из пулемётов и малокалиберных пушек.

На всех парах шла «Межень», и с верхней палубы её бешено

строчил пулемёт. Английские самолёты давно пролетели и точками виднелись на горизонте, а судно командующего продолжало стрелять.

Совсем недавно был отдан приказ об экономии патронов, а здесь шла стрельба совершенно бессмысленная.

— Прекратить огонь! — крикнул я в рупор. Но пулемётчики, словно не слышали, продолжали стрелять, а «Межень» не сбавляла хода. Мотор катера работал на всю мощность и медленно догонял пароход. Когда мы с ним поравнялись и подошли к борту, я, взбешённый, выскочил на палубу «Межени» и... ужаснулся! Вся палуба была залита кровью, на ней валялись трупы моряков. Один, бледный как полотно, сидел на бухте каната. Он безучастно взглянул на меня и опустил голову.

— Что случилось? Говорите! — Но моряк не ответил. Я взял его безвольно висящую руку и нащупал пульс. Несколько раз он глухо стукнул и... остановился, — человек умер. Остальные все были мёртвы... Сзади трубы зияла большая дыра... В судно попала самолётная бомба...

Англичане «честно» заработали двести пудов белой муки.

Новые сапоги

Удивительные дела творились на фронтах гражданской войны! Мы нередко не знали, что будет завтра, через час, а иногда и через минуту. Так быстро менялась военная обстановка. Связи у нас в те времена почти не было.

Мне часто приходилось допрашивать белогвардейцев, которые являлись к нам с самым независимым видом, словно в свою часть.

— Бросьте баловаться, ребята, зачем сняли погоны? Скажите лучше, где их благородие, господин поручик? — спрашивал бравый белогвардеец, одетый в добротный английский костюм.

Мобилизованных белыми мы легко отличали от добровольцев. Достаточно было взглянуть на потрёпанную шинель, старую гимнастёрку и рваные сапоги, и судьба человека решалась. Отбирали только оружие и отпускали на все четыре стороны.

Но белые офицеры и добровольцы были нашими врагами. Им не было пощады, а они не щадили нас. Но мы старались разбираться, кто чем дышит! А им было безразлично! Попал в плен матрос — к стенке, а про командиров и комиссаров и говорить нечего! Расстрел — и больше никаких!

Вот почему никто из наших не сдавался! Расстреляют все патроны, а последнюю пулю себе!

И всё-таки совершенно неожиданно попадали в плен и наши.

Мы с Родионом раз чуть-чуть не влипли! Всё вышло из-за его новых сапог. В награду за хорошее поведение и смелость мальчику выдали флотские сапоги. Правда, они были ему велики и их приходилось набивать сеном, чтобы они не хлябали. Но это ничуть не смущало мальчика, и он очень гордился своей обновой.

В то время корабли нашей Волжской военной флотилии стояли под Царицыном, который был занят белыми. Однажды у нас вовсе прервалась связь с ушедшими вперёд моряками.

Стрельбу с кораблей пришлось прекратить: неизвестно было, где неприятель, а где свои. Чтобы выяснить обстановку, я съехал на берег.

Меня встретил плотный, коренастый начальник штаба Гудков.

— Ну, Владимир Фёдорович, — обратился я к нему, — показывай, где у тебя наблюдательный пункт. Посмотрим, что делается на белом свете!

— Это можно, идём! — сказал начальник штаба, вскидывая на плечо винтовку.

На окраине деревушки мы поднялись на чистую безлесную горку. С неё открывался широкий вид на поля и бахчи, окружавшие город.

Далеко, в дыму разрывов, виднелись чёрные фигурки. Они то соединялись в небольшие группы, то разбегались, но двигались всё вперёд. Это были моряки.

Гулко ухали пушки, чуть слышно доносилось таканье пулемётов.

Бурые клубы дыма стояли в воздухе. Бой был в разгаре...

Вдруг вдали показалась какая-то тёмная полоска. Она быстро расширялась и застилала горизонт. Я взглянул в бинокль и... ахнул. Это была неприятельская кавалерия! Подобно чёрной туче двигались плотные колонны всадников и охватывали поле боя. Наши воины замыкались в круг.

— Даавв...ай аррр...тиллерию сккк...орей! — заикаясь крикнул Гудков.

— Бегу за телефонным аппаратом! Отсюда будем корректировать огонь! Следи за конницей! — И я бросился вниз, на берег.

На катере быстро добрался до своего судна, схватил телефонный аппарат и вернулся на берег. Крутой тропинкой я побежал в гору, а вслед за мной, разматывая катушку с проводом, бежал Родион.

На горе, у крайней избушки, где был штаб, какие-то люди привязывали к забору лошадей. За плечами у них висели винтовки. «Что за чёрт! — удивился я. — Откуда здесь красноармейцы?»

Мы взбежали наверх и остановились, чтобы отдышаться. С другой стороны оврага на нас удивлённо смотрели вооружённые люди. Один держал в руке «лимонку» — гранату.

— Наши здесь? — крикнул я.

— Сам-то не видишь, что ли! Какие наши?

— Как какие! — рассердился я. — Матросы!

Люди вдруг засуетились, словно чего-то испугались. Один вскочил на коня, другие торопливо сдёргивали с плеч винтовки.

— На них погоны! Это беляки! — быстро шепнул Родион. — Бежим.

Мы в момент развернулись и побежали вниз по тропинке. Сзади, где мы только что стояли, взметнулось бурое облачко и громыхнула граната.

Над головами засвистели пули...

Белые, увидев, что у нас нет оружия, бросились в погоню. Родион вдруг упал и даже перевернулся через голову.

«Убит!» — ужаснулся я. А беляки уже совсем близко!

Но мальчик вскочил и отчаянно задрыгал ногой. В воздух взвился какой-то чёрный предмет... Несколько взмахов другой ногой — и снова мелькнуло что-то чёрное...

— Бомбы!! — испуганно крикнул бегущий впереди беляк, и все они как подкошенные упали на землю.

Мы выбежали на берег. С корабля затрещал пулемёт... Шлюпка быстро доставила нас на судно. Я увидел, как у Родиона вдруг скривилось лицо, словно от боли, и он зарыдал.

— Что с тобой? Ранило? — спросил я.

— Не-е! — горько плача, проговорил он. — Саа...пог жаа...алко. Если бы не споткнулся, не бросил бы! Пе...ервые сапоги! — Он опять заревел. — Да у нас в де...еревне ни у кого та..а..ких нет! Кто мне поверит, что такую награду получил! Са...апоги моря...яцкие, настоя...ящие!

— Ничего, — успокоил я мальчика. — Если бы не сапоги, пришлось бы телефон бросить белякам, а он дорого стоит! Будут тебе сапоги! Свои отдам, в крайнем случае!

Родион скептически посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Да в твои сапоги целый стог сена влезет, куда мне такие! Уж лучше подари мне наган, он мне очень нужен! А воевать я смогу и без сапог, эка невидаль!

Военный трофей

От перебежчиков мы узнали, что в татарском селении Азякуль, которое расположено на притоке реки Белой, стоит большая баржа с мукой. Её привели туда из Уфы для наших врагов — белых.

Красный фронт тогда вытянулся по реке Каме; берега вокруг частично занимали белые, а местами просто были ничьими.

Мы не всегда знали, где наши части, где неприятель. Продовольствия не хватало, паёк был очень скудный: чёрный хлеб и сушёная вобла. Вот и надумали мы забраться во вражеский тыл — пополнить продовольственные запасы.

Для разведки пошли на двух катерах. Вооружены они были хорошо. На носу и на корме стояли горные пушки. На палубе из броневых колпаков выглядывали пулемёты. А боевая рубка была обтянута тонкими листами брони. Посмотрел я на эту броню и подумал: «Да, броня! Комар её, конечно, не прокусит, а насчёт пуль слабовата! Но всё-таки лучше чем ничего».

Река, по которой мы поднимались, была такой узкой и извилистой, что на поворотах кормы наших катеров с шумом бороздили береговые кусты. Но кустарники шли неширокой полоской, а за ними простиралась бескрайняя степь.

Впереди в голубом мареве показалось большое село. Вокруг расстилались пашни, кое-где виднелись неубранные снопы пшеницы. В поле, недалеко от реки, работал крестьянин.

Катер уменьшил ход, и я крикнул:

— Эй, друг! На минутку, есть дело!

К берегу подошёл татарин. На нём была длинная белая рубаха, на ногах лапти.

— Скажи, кто в селении, белые или красные?!

— Никого нет! Давно ходил белый, теперь уехал. Далеко уехал! Совсем никого нет! — снова повторил крестьянин.

«Раз никого нет, тем лучше! — подумал я. — Значит, мы опередили белых!»

— Полный вперёд!

Чем выше мы поднимались по реке, тем уже она становилась. Но вот впереди открылся широкий плёс. В дальнем конце его, у берега, стояла большая баржа. Над рекою, на пригорке, лежала груда брёвен.

С командиром катера мы стояли у рубки, и я показывал рулевому, куда следует пристать.

И вдруг... «Та-та-та-та-та-та-та!» — захлебываясь, затрещал пулемёт. Мы едва успели вскочить в рубку, как пули горохом

забарабанили по броне. Некоторые попадали в узкие прорези бойниц и с визгом ударялись о внутренние стенки рубки.

— Лево на борт! — Нос катера покатился влево. — Огонь!

Редко затакали наши пулемёты, оглушительно рявкнули пушки. Из-за брёвен поднялись вооружённые люди и бросились в кусты. Преследовать их было бесполезно, — они сразу же скрылись из виду. Но всё-таки несколько моряков бросились в погоню. С ними увязался Родион, — ему не терпелось обновить винтовку. Это был лёгкий кавалерийский карабин.

Случайно я взглянул на стенку рубки, на которую только что градом сыпались пули, и... ахнул от удивления! Хоть бы следы какие-нибудь остались или вмятины от пуль!! Кое-где лишь краска отлетела, а так вовсе ничего!

«Вот тебе и противокомариная броня!» Позже я узнал, что эта броня, толщиной всего в пять миллиметров, изготовлена из хромоникелевой стали.

Задерживаться здесь было нельзя, — белые могли вернуться с подкреплением.

— Все на перегрузку муки, быстро! — скомандовал я. С баржи на катера были спущены сходни, их скрепили

планками, и работа закипела. С тяжёлыми мешками, обгоняя друг друга, бегали моряки.

— Товарищи! — вдруг раздался из трюма радостный возглас. — Мука-то белая! Будем печь пироги с «карими глазками»!

Вернулись моряки после неудачной погони.

— Ну и бегают беляки! Куда зайцам до них! — рассказывал высокий моторист. — Я на линкоре первым бегуном считался, а догнать их не мог. Словно не бежали они, а летели! В селе никого не осталось, даже старики и старухи куда-то попрятались.

На берегу показался Родион. Винтовка его была закинута на спину, а в руках он что-то держал.

— Это ещё что такое? Трофей? — рассердился я. — Неужто не знаешь, что за воровство у населения — расстрел?! Неси обратно скорей! Ну, живо, бегом!

— Да это щенок, товарищ начальник! Они, видать, хотели его утопить в пруду, а верёвка была гнилая, камень оборвался. Я гляжу, сидит он у воды, мокрый, дрожит и верёвка на шее. Я пожалел и взял. Разрешите, товарищ начальник, пущай живёт у нас!

Опасная переправа

Однажды, во время переправы дивизии на левый берег реки Камы, в каюту начальника отряда вошёл Родион.

— Товарищ начальник! — мрачно сказал он. — Разреши, я пойду помогу ребятам перевезти лошадей на тот берег, можно?

— Давай, только ненадолго! Тральщики скоро кончат работу по разминированию, и мы пойдём дальше. Понятно?

— Есть, товарищ начальник! — так же мрачно ответил мальчик.

«Что это с ним? — подумал начальник отряда. — Тоже, наверно, переживает, что мы не воюем и отстали от армии из-за этих проклятых мин!»

Прошло немного времени, и в каюту прибежал вахтенный.

— Товарищ начальник! — взволнованно доложил он. — Плот с лошадьми перевернулся посередине реки, там Родион!

— Катер к борту, быстрее! — приказал начальник отряда.

Накинув на плечи бушлат, он выскочил на палубу. Далеко на реке виднелся плот, а около него на воде чернели головы людей и лошадей. Животные беспомощно кружились недалеко от плота, а людей разбросало сильное течение. Катер подошёл, и в него почти на ходу прыгнули моряки.

— Полный вперёд! — последовала команда. — Держать на крайнего левого человека! Приготовиться с правого борта принимать людей!

Катер рванулся и на полных оборотах помчался к плоту. Вот уже недалеко до первого бойца. Шинель его ещё не намокла и, раздувшись колоколом, поддерживает на воде.

— Меньше оборотов! — Катер чуть уменьшает свой быстрый бег.

Два моряка подхватывают тонувшего и на ходу втаскивают в катер. Так же они выуживают из воды ещё трёх человек. С них ручьями течёт вода, но они благодарно улыбаются своим спасителям. Впереди на воде виднеется человек. Видно, что он совсем обессилел, — несколько раз голова его скрывается под водой и ненадолго вновь появляется. Вот уже моряки готовы схватить его, но голова бойца уходит под воду и больше не показывается... Момент — и Василий Горяев, самый молодой из моряков отряда, сбрасывает с себя бушлат и с борта ныряет.

Катер стопорит машину, все напряжённо всматриваются в быструю воду... И вот моряк появляется, одной рукой он крепко держит за волосы тонущего бойца.

«Но где же Родион?!» — начальник отряда беспокойно

осматривает реку. Людей больше не видно, чернеют только головы лошадей, большими кругами плавающих вокруг плота.

— Что-то не видать Родиона! Неужто утонул?! — заметил тревожно рулевой. — Да не должно этого быть, плавает он хорошо.

— Это вы о мальчике беспокоитесь? — спросил один из коноводов. — Он, как только плот перевернулся, сразу же уцепился за коня нашего начальника. Хорошо, ежели конь не потопит его, а то беда!

— Смотрите, смотрите! — вдруг воскликнул рулевой. — Вон где Родька. На переднем коне, видите?! Плывёт прямо к берегу!

Маленькая фигурка мальчика чуть виднелась рядом с плывущей лошадью.

— Правильно, это Родион! — подтвердил начальник отряда, опуская бинокль. — Давайте к нему! Вперёд! — За кормой катера вскипел бурун.

А с лошадьми, до сих пор беспорядочно кружившимися у плота, происходило что-то странное. Они, словно по команде, выходили из заколдованного круга, медленно вытягивались в одну линию и плыли к берегу.

— Вот это да! — восхищённо заметил рулевой. — Смотрите, как плывут! Настоящей кильватерной колонной! А впереди командир Родька!

Катер быстро приближался к плывущим животным. Когда он поравнялся с конём, за которого держался мальчик, начальник отряда сделал знак рулевому. Тот остановил машину.

— Родион! Немедленно давай на катер, живо!

— Не могу, товарищ начальник! Конь утопнет, если я его отпущу! взмолился Родион. — Это конь самого Азина!

— Никаких разговоров, выполняй приказание! Понятно?

Держа в руке повод, мальчик неохотно подплыл к катеру. Дюжие матросские руки подхватили его.

— Легче, легче, ребята! — завопил Родион. — Штаны утопите! Ремешок-то на узде! — Но было уже поздно. Штаны чёрной змеёй соскользнули с ног и медленно пошли ко дну...

— Ну вот! — с досадой проговорил мальчик. — Что я теперь буду делать?! Как на корабль явлюсь?! Ведь это не пляж! Всё время крепко их держал, а вы меня, как медведи, схватили!

— Не горюй, парень! — сказал один из коноводов. — За коня тебе командир новые подарит, с серебряными лампасами! Будешь как генерал ходить! Ну, а пока я тебе свои отдам...

Теперь лошади послушно плыли за катером и скоро были у берега.

Возвращение в Нижний Новгород

Перед праздником Октября

Наступила осень... Волжская военная флотилия вернулась на свою базу, в Нижний Новгород. Город готовился к празднованию второй годовщины Великой Октябрьской революции.

Всегда деятельные и жизнерадостные, моряки флотилии сразу же включились в эту работу. Организовали комиссию по проведению праздника, написали в Москву письмо, в котором просили приехать в Нижний на праздники артистов оперы и балета. Моряки обещали поделиться с ними знаменитыми «карими глазками» и... баранками. Ведь в то время в городах было плохо с продовольствием, так как везде была разруха и в первую очередь надо было снабжать фронт.

А наши коки за дни плаванья по ледяной реке здорово наловчились изготовлять баранки из муки, которую мы перехватили у белых в селении Азякуль. Наши моряки решили удивить москвичей белыми баранками. Вспомнили они и о Родионе. В швальню — матросскую портняжную мастерскую — был дан заказ срочно изготовить для него настоящий флотский костюм. А то парень воевал, воевал, а одежонку всё носил с чужого плеча. Сапоги ему выдали новые, пожалуй, даже более фасонистые, чем те, которые он потерял, спасаясь от белых. Но бушлат был велик, а брюки такие широченные, что Родион спокойно мог залезть в одну штанину и носить её вместо юбки!

Ну и обрадовался Родион, когда перед самым праздником его вызвали в швальню и вручили новый, аккуратно сшитый костюм. Теперь Родион Кирсанов стал настоящим моряком и ничем не отличался от своих взрослых товарищей! На чёрной ленточке бескозырки блестели золотые буквы: «Волжская военная флотилия».

Гордо шагал он по улицам города, и казалось ему, что все городские мальчишки смотрят на него и завидуют. «Эх, жалко, Митьки нет! — подумал Родион. — Вот он порадовался бы, чай, вместе воевали!»

Незаметно дошёл он до главной улицы и хотел уж свернуть на неё, как вдруг вспомнил, что сегодня будет вечер самодеятельности и он сам выступает в матросском танце. «Хорошо, что вспомнил! — обрадовался Родион. — Ведь Василий, комендант, обещал научить меня ещё одному колену! Надо бежать домой!» Он оглянулся вокруг — мальчишек не было видно

— и полным ходом припустил к большому каменному дому, где разместились моряки флотилии.

В доме было шумно и весело. На разные голоса ревели трубы, трещали барабаны и свистели флейты. Моряки готовились к выступлению.

Ой ты, яблочко!
Куда ты котишься?!
К белякам попадёшь,
Не воротишься!!
выводил кто-то модную песенку.

Родиона встретили криками и смехом:

— Ай да Родька! Ишь как вырядился! Форменный матрос с «Авроры»! Беги скорее в роту, комендант тебя искал.

— Хорошо, что пришёл, Родион! — обрадовался комендант, внимательно рассматривая мальчика. — Вот теперь у тебя вид подходящий, как и подобает боевому моряку! Я уж боялся, что ты не придёшь, а дело, парень, серьёзное. Это я насчёт пляски говорю. Чечётку ты мастер плясать, а вот подхода у тебя нет. Надо, чтобы ты понял, как выходить на сцену. Вот смотри! — Комендант, напевая «Яблочко», прошёлся по кругу, припадая то на одну, то на другую ногу.

«Ишь ты, как поёт! — усмехнулся Родион. — Словно кот мурлыкает, и усы котиные!»

— Вот видишь, — остановился комендант. — Будто ты на корабле! Волна ударит в борт, палуба накренится, и ты, значит, чтобы не упасть, должен маленько накрениться. Потом так же в другую сторону.

Слушай музыку и топай по кругу, словно тебя качает. Давай! «Ой ты, яблочко!..» — запел он. — Давай, давай, чего ждёшь! «Ой ты, яблочко...» вновь повторил он. — Чего же ты, чертяка, кривишься, словно баба с квашнёй! — рассердился моряк. — Прямо держись, а ноги маленько поджимай! Начинай снова! «Ой ты, яблочко, куды котишься!...» — сиплым голосом тянул комендант. — Давай, давай, Родион, вроде получается! «Ой ты, яблочко...» прохрипел он. — Уморил ты меня, окаянный. И «Яблочко», пропади оно пропадом, поперёк горла встало! Понял маленько, ну и хорошо!

— Спасибо, дядя Вася, всё понял! Спляшем, не сомневайся!

Москвичи выступают

После торжественного заседания, посвящённого второй годовщине Великой Октябрьской революции, начался концерт.

Сначала выступали приезжие артисты из Москвы.

— Вот молодцы! — шепнул комиссар начальнику отряда. — Никто из них даже не поинтересовался, заплатят им или нет! Пообещали и приехали, вот это люди!

Родион, сидевший вместе с комендантом, во все глаза смотрел на артистов и восхищался.

— Здорово! — с восторгом шептал он, глядя, как балерина быстро-быстро крутилась и вдруг падала. А напарник -танцор подхватывал её почти у самого пола. — Василий! — шепнул он коменданту. — Я и не подумаю выступать после них, чего зря срамиться?! Это я говорю тебе по-товарищески! Как кончится представление, смотаюсь, и ты меня не ищи! Понятно?!

— Я тебе смотаюсь, чёртова салага! — злобно прошептал комендант. Теперь поздно отказываться, выступишь, ничего с тобой не станется!

— А ежели у меня живот заболел, тогда что делать? Всё равно выступать?!

— Вот доктор всыплет тебе тройную порцию касторки, сразу всё пройдёт и болеть больше не захочешь!

— Зачем касторки?! — недовольно поморщился Родион. — И так пройдёт.

— То-то же! — пробормотал комендант. — Да ты не бойся, чучело! — уже другим тоном заговорил он. — Ведь у нас самодеятельность, понимаешь?! А это артисты учёные, и за свою работу они деньги получают.

— Как деньги? — удивился мальчик. — Ты же сам говорил, что они без денег согласились у нас выступать!

— Это, брат, случай особый! Они из уважения к нам приехали, потому что народ сознательный, понимают что к чему! Вот уничтожим всех беляков, дадут они нам постоянные билеты в театр. Приходи туда, когда захочешь. Но для этого надо нам и себя показать, чтобы поняли они, какие мы есть революционные балтийские моряки! Спляшем и споём как умеем, и никто нас не осудит. Понятно, разведчик?!

Родион мрачно молчал.

«Ну и дурень же я: согласился выступать. Легче бы в самую опасную разведку идти, под пулями и снарядами! Эва сколько народу сидит, и все они будут глазеть и смеяться. Во, скажут, какой плясун объявился! От горшка два вершка, а тоже, выступает!» От огорчения он даже носом шмыгнул.

— Ты чего сопишь? — тихо спросил комендант. — Неужто всё переживаешь? Зря это ты, Родька, вот увидишь: всё будет по-хорошему. Главное, не трусь!

Морская самодеятельность

Концерт московских артистов закончился, и начали выступать моряки. Их появление на сцене было встречено дружными аплодисментами.

Первым номером самодеятельной программы был матросский танец «Яблочко». Лихие моряки в белоснежных форменках, в брюках с широкими раструбами и с развевающимися на бескозырках ленточками бешено носились по сцене, с грохотом отбивая ногами шумную чечётку. Зрительный зал взорвался бурей аплодисментов. Потом оркестр заиграл тише, танцоры образовали широкий полукруг — и на сцену выскочил Родион. С руками, поднятыми кверху, словно поднимая парус, мальчик плавно обежал всю сцену.

Потом под музыку, балансируя и припадая то на одну, то на другую ногу, как бывает во время качки на корабле, он приблизился к рампе и здесь, стоя на месте, ударил чечётку...

Победно заревели трубы, и песня, с которой балтийские моряки шли в атаку на офицерские полки, заполнила весь зал театра и смешалась с бурей рукоплесканий. Рабочие моряки и красноармейцы стоя дружно хлопали в такт музыке.

Пора было кончать танец, и дирижёр уже несколько раз подавал своей палочкой сигналы Родиону, но тот и не смотрел на него.

Словно заведённый, он отбивал ногами частую дробь, медленно кружась по сцене.

— Как бы его, чёрта, остановить? — шепнул соседу комендант. — Совсем парень обезумел! Ни на кого даже не смотрит, кружится, словно тетерев на току!

— Обожди! — тихо ответил моряк. — Завод окончится, он и перестанет.

— Не знаешь ты нашего Родьку, он и без завода полдня пропляшет!

В это время сидевшая в первом ряду московская артистка поднялась, подбежала к рампе и бросила мальчику букет цветов. Родион отскочил в сторону, словно это была бомба! Случайно он взглянул на дирижёра и увидел, что тот корчит ему страшные рожи и что-то сигналит палочкой. «Надо сматываться! — решил мальчик. — А то ещё запустит палкой!»

Под гром аплодисментов, слегка подтанцовывая, он подбежал к морякам и спрятался за ними. Зрители хлопали, кричали, вызывая танцора, но Родион больше не показался. Незаметно он пробрался за кулисы и... удрал.

Военный парад 1919 года

На другой день был военный парад и демонстрация трудящихся Нижнего Новгорода.

Революционным грозным шагом прошли перед трибунами моряки Волжской военной флотилии и бойцы морского десантного отряда. Чётко чеканя шаг, вступили на площадь красные курсанты. Они шли с винтовками наперевес, мягко поблёскивала синяя сталь штыков. За ними, грохоча по мостовой колёсами, пронеслись лихие тачанки с пулемётами...

Парад закончился, и площадь заполнили колонны нижегородцев. Впереди с большим Красным знаменем шли рабочие Красного Сормова. Над демонстрантами пролетело несколько самолётов. Радостно и весело прошёл праздник Великого Октября.

Новое задание

На следующий день, рано утром, к начальнику отряда пришёл комиссар.

— Что будем делать с Родионом? — спросил он. — Волга и Кама свободны, нас, наверное, перебросят в Сибирь. А мальчика брать с собой не следует ему надо учиться. Вопрос, примут ли его сейчас в школу, ведь прошло более двух месяцев, как начались занятия. Может быть, вы поговорите с директором подшефной школы, ведь вы с ним знакомы?

— Есть такое дело, комиссар! Попробую его уговорить. А Родион как, не будет артачиться, говорили с ним?

— Здесь полный порядок. Вначале он расстроился, когда узнал о решении послать его в школу. Но я разъяснил, что воевать нам больше не с кем, а флоту нужны грамотные моряки. Скоро у нас будут корабли с такой автоматикой, что все матросы и командиры должны быть техниками или инженерами. Поэтому надо учиться и учиться.

Когда же я сказал ему, что придёт время — и мы, участники мировой революции, во главе международной эскадры пойдём громить капиталистов, у Родьки даже глаза загорелись. «Вот здорово будет! — воскликнул он. — Ради этого стоит поучиться!» Так что он согласен, теперь дело за вами.

Начальник отряда немедленно отправился в школу. «Надо обязательно настоять, чтобы его приняли, — думал он. — Мы уедем, а парень останется один. Устроим его в хорошей семье какого-нибудь нашего моряка, и всё будет в порядке». Директор

школы внимательно выслушал командира, но принять Родиона отказался.

— Скоро окончится четверть, — сказал он, — и вашему парню никак не догнать класс. А заниматься с ним отдельно мы не сможем. Придётся отложить до осени, ничего не поделаешь. Так-то, товарищ командир.

— Хорошо, а если мы, с вашей помощью, найдём учителя, который занялся бы с ним, согласитесь его принять? Уроки мы, конечно, оплатим. Мы очень заинтересованы в судьбе этого парня. Мать его убили, отец воюет где-то на фронте, и мальчик совсем один. Вот слушайте... — И моряк коротко рассказал про боевые дела Родиона.

Директор с удивлением выслушал рассказ и решительно сказал:

— Присылайте завтра вашего парня, устроим!

Обрадованный вернулся начальник в штаб флотилии.

— Полный порядок, товарищ комиссар, — радостно объявил он. — Родиона принимают, и завтра велено ему явиться в школу!

— Вот и хорошо! Срочно созываем общее собрание моряков и провожаем парня. Хорошо, если командиры смогут ему что-нибудь подарить. Может быть, у кого-нибудь сохранился старый кортик. Нам он не нужен, а мальчику лестно будет его иметь. Это — кроме ценного подарка, которым награждает его командование. Итак, через час собрание.

Проводы в школу

Каменный дом. В нём до революции помещалось купеческое собрание. Здесь загулявшие купцы били бутылками с шампанским огромные зеркала, а потом платили за хулиганство колоссальные деньги. «Брильянтовые зеркала», говорил начальник отряда...

Пронзительным свистом боцманских дудок и звуками горна, игравшего «Большой сбор», вдруг огласился весь дом.

Быстро, как по боевой тревоге, моряки заполнили большой зал клуба. Когда командиры и комиссары заняли свои места в президиуме, моряки увидели сидевшего среди начальства маленького разведчика Родиона Кирсанова.

Поднялся комиссар флотилии.

— Товарищи военные моряки! — сказал он. — Много раз мы собирались, провожая в последний путь наших доблестных товарищей, отдавших жизнь за дело революции. Сегодня у нас совсем другие, радостные проводы. Наш маленький отважный

товарищ Родион Кирсанов уходит от нас, чтобы смело вступить на путь учения. Разрешите мне зачитать приказ командования.

«Пункт первый: за отличное выполнение ответственных заданий и безупречную дисциплину военному моряку Кирсанову Родиону объявляется благодарность, с вручением ценного подарка.

Пункт второй: военного моряка Кирсанова Родиона направить в среднюю школу, состоящую под шефством Волжской военной флотилии».

Товарищи военные моряки! Разрешите мне от всех вас и от себя лично пожелать Кирсанову успеха в учении, а после окончания школы совместного плавания по морям и океанам нашей свободной планеты!

Ура, товарищи!

Дружное «ура» и аплодисменты прокатились по залу.

— А теперь получай, разведчик, подарки, — сказал начальник отряда, передавая мальчику именные часы, морской бинокль с серебряной дощечкой, полученный командиром отряда за бои на Каме, и настоящий флотский кортик.

— Спасибо Советскому правительству и Волжской флотилии! — гаркнул Родион. — Кончу школу, ещё лучше буду воевать! — добавил он под дружный смех моряков.

notes

Примечания

1

Траверс — направление, перпендикулярное ходу судна.

2

Флаг «Земля» — синие шашки на белом фоне — сигнал, что судно даёт задний ход.

З

Баталёр — заведующий хозяйством корабля.

4

Ратьер — сигнальный фонарь направленного света, с узкой щелью.

5

Кабельтов — 185,2 метра. 10 кабельтовых составляют морскую милю.